

НАТА ЧЕРНЫШЕВА

ПУТЕШЕСТВИЕ НА СЕВЕР

Ната Чернышева

Путешествие на север

<https://litres.ru/73463981>

SelfPub; 2026

Аннотация

На ледяной планете жизнь идёт своим чередом. Есть города, укрытые защитными куполами, им не страшны ураганы и свирепые холода. Есть поселения, где проживают повелители огня генномодифицированные по паранорме пирокинеза люди, нас зовут ещё обычно огневиками. И есть легенды о вмерзших в лёд где-то на севере мегаполисах прошлого.

Я в них не верила, конечно же. Разве можно жить на севере? И уж тем более не предполагала, что мне придётся отправиться на розыски одного такого затерянного города самой.

Но судьбоносная встреча на дороге сорвала меня в путь.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	22
ГЛАВА 3	37
ГЛАВА 4	50
ГЛАВА 5	63
ГЛАВА 6	76
ГЛАВА 7	90
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Ната Чернышева

Путешествие на север

ГЛАВА 1

Падал снег. Неспешно, пушистыми хлопьями, спускался с низкого, затянутого тонкими облаками, неба. Кое-где облачный покров истончался почти до яркой, пронизанной зимним белым солнцем синевы. Ветра не было, мороз ослабел до весенних минус двадцати. Но именно поэтому и стоило поспешить!

С севера шёл первый в этом году буран. Он ударит в ближайшие часы. Не зря уже сейчас воздух практически остановился. Затишье перед бурей...

По уму, надо было всё-таки не рисковать, остаться в Городе. Зима – не то время года, когда можно рисковать без острой необходимости. Но очень уж хотелось проскочить до начала бурана.

Город, он... давит. Огромные деревья под самое небо, защитный купол над ними тоже где-то там, в зените, не вдруг разглядишь. С него изливается вниз рыжеватое сияние, оно значительно усиливается в снегопады и при плотной облачности. Как будто смотришь через глухой шлем со светофиль-

тром. Горожанам нормально, привыкли. А нам неудобно.

Дорога от города хороша исключительно до поворота на Отрадное. Отрадное – поселение большое, можно сказать, почти город, только под открытым небом. На Отрадное ходит много транспорта, есть даже общественный.

У нас же, в Песочном, всего девять домовладений, мы живём на самом краю обитаемого мира. За нами – лишь бескрайний север, ледяные пустоши, там некому и не с чего жить, хотя охотники бродят, конечно же.

Но одно дело – охотник, любитель экстрима по умолчанию, совсем другое – семья с маленькими детьми и пожилыми старшими. Семьями на севере не живёт никто. Слишком далеко от цивилизации, слишком сурово, особенно в зиму.

Так что сразу за указателем на Отрадное начинается, можно сказать, дикий край. Дорога становится уже, аварийных карманов по обочинам меньше, фонари встречаются через раз, и не все рабочие.

Рыжее небо, бескрайние ледяные поля, лёгкий снежок – восторженное непередаваемое чувство простора. Я прибавила скорости. На дороге никого, можно позволить себе гнать до вон тех холмов примерно. За превышение скорости никто не привлечёт, но в холмах всё же можно поймать в лоб встречную машину, не замеченную из-под горки вовремя. А кому такое надо.

В зеркалах слева-сзади мелькнул вдруг тёмный силуэт машины, на крышу намело уже снега, значит, стоит давно.

А у нас как? Бросать на трассе поломавшихся – себя не уважать. Даже если это враг, с которым нечего делить, кроме взаимных дырок в шкуре. В борьбе с зимой на дороге перемирие не обсуждается, оно возникает само по себе.

Реверс, полный газ, гашение скорости, разворот. На всякий случай проверяю родную «точку» в кобуре. Мало ли... Сюрпризов от потерпевшего вряд ли стоит ждать, у нас на дорогах грабителей не водится, во всяком случае, не в зиму. А вот какое-нибудь голодающее зверьё вполне могло навестись на потенциальную жертву.

Машина стояла как... катафалк. Тёмные окна, тёмный силуэт. Твою-то мать, «Синяя птица», городская таратайка, не предназначенная для зимних полей. На одном движке! Кто ж у нас такой умный-то? На «пташках» даже летом далеко от города соваться не рекомендовано. А товарищ уже отмотал от поворота на Отрадное километров пятьдесят! Давно он тут торчит, хотелось бы знать. Оповещать похоронную команду или не надо пока.

Я смела перчаткой снег с окна, постучала.

– Эй! Ты там живой?

Тишина.

В лицо сыпануло мелким снегом, колким, как мелкое битое стекло. Плохо. Начинается буран, а во время непогоды вдалеке от тёплых надёжных ангаров делать на дороге нечего. Не месяц май!

Я постучала по машине ещё раз. Ни гу-гу. Бортпартнёр

помер, очевидно же. Надо вскрывать. Если водитель ещё жив, в моём четырёхместном хайровере отогреется.

С «пташками» я управляться умела. В городе всегда беру в аренду, чтобы своё чудовище не втискивать в узковые для него улицы. Да и у нас, в общественном ангаре стоит сколько-то штук, для объезда летних полей по сухой погоде. Быстрые, маневренные, примчался – ценные указания работникам раздал, полетел дальше.

С дверью пришлось повозиться. Автономное питание, дакти-замок, насмерть заклинившая механика. А, нечего миндальничать! Я сдёрнула с руки перчатку, сжала пальцы в кулак, и над кистью возникло гудящее рыжее пламя.

Мы – вольные жители ледяных просторов – повелители огня с рождения. Генетическая модификация, очень удачная, она прижилась и распространилась без надзора биоинженеров, сгинувших во тьме ушедших вслед за тёплым климатом веков. Мы, огневики, можем жить где угодно, а все остальные – только в городах под куполами.

Выжечь сломанный замок дело нехитрое. А вот что делать с перепуганными глазами водителя? Городской, из прибылых, впервые увидел пирокинез в действии. Решил, что у него уже галлюцинации на фоне отчаяния и смирения перед неизбежной вечностью. Как бы орать да руками махать не взялся... Скрутить смогу, но без особой радости. Ещё ж вести его километров двести, к нам, в Песочное, конечно же. А больше никуда не успеем, буран идёт.

– Вылезай, – сказала я ему. – Бегом ко мне в машину, пока не окоченел совсем.

Салон «пташки» за время торчания на обочине ещё не выморозило полностью, но потерпевший остудиться уже успел.

– Не бросай...

– Что?

– Машину... не бросай... Пожалуйста. Важно!

– Что у тебя там, котята?

– Нет, – мотает головой. – Важный груз. Оборудование. Пожалуйста!

– Не брошу. Иди, иди, замёрзнешь же насмерть!

Казалось бы, что сложного – прибрать в багажник «пташку»? А вот. Машина оказалась изрядно перегружена. Не потому ли и сдохла в пути? Пришлось повозиться, с учётом того, что грузовой отсек у меня у самой не пустой.

Бестолковый новый знакомец ничем помочь не мог: отогревался в салоне. Возможно, через пару часов у него потекут сопки, ну, да не моя забота, приедем – сгружу его в наш медцентр. Пускай доктора с ним возятся. У нас их двое, совсем как в развлекательных сериалах: учитель и ученик, да ещё вдобавок отец и сын.

Когда я вернулась в салон, – сюрприз! – меня ждал заботливо заваренный кофе.

Мой ровер – экспедиционная лошадка, в нём есть всё для автономного существования в поле летом на три недели, зимой на полторы, для четырёх человек. Я его приобрела с рук

лет пять тому назад, привела в порядок, с тех пор не жаловалась. Вместительная, надёжная машина, с нею мы с Крисом мотались на юг своим ходом, мир посмотреть, себя показать. До тех пор, пока Крис не решил, что другая девица лучше меня, а меня поставить в известность забыл.

Случился анекдот из серии *«вот вернулась жена из города на день раньше...»* Ладно, взрослые люди, разобрались. Только летом я осталась без поездки, и от недобора впечатлений меня пробирала нехорошая тоска, которую я глушила в мастерской, работой. В город ещё ездила, подрабатывала и там, у горожан машин больше, спецов на всех не хватает. А всё равно не то.

И вот теперь неожиданная встреча на дороге, абсолютно не возможная на нашем направлении зимой. Сознание воспринимало её как подарок, как чудо. Что-то будет!

– Поехали, – сказала я, убирая пустую чашечку в контейнер очистителя. – Время поджигает! Я веду, ты рассказываешь. Кто, что, откуда, какого лысого пня.

Кто – назвался коротким именем Ори. Что – поиск научной истины. Откуда – какой-то город изрядно южнее нашего, даже не слышала, что есть в мире ещё и такой. А вот какого лысого пня не знает и сам. Машина резко встала, управление отрубилось, двигатели заглохли. Выручал аккумулятор, в салоне держалось тепло, но понятно было, что надолго его не хватит.

– Но я знал, что меня спасут! – вера в хорошее у иных

людей неистребима.

– Ну-ну, – хмыкнула я, увеличивая скорость.

– Вы же меня спасли!

– Дружок, – ласково сказала я, не отвлекаясь от дороги, – ты выбрал не лучшее место для героической смерти. Почему на Отрадное не свернул? Там дорога раз в двадцать живее нашей! Быстрее подобрали бы.

– Мне не нужно в Отрадное.

– А куда нужно?

Он жизнерадостно объяснил, куда. По компасу на север. На «пташке». Зимой. Слабоумие и отвага.

– Сейчас мы летим в Песочное, – уведомила я. – Молись всем богам, своим и чужим, чтобы успели до начала бурана. А дальше – могу помочь спланировать экспедицию. Что тебе там точно понадобится, что не очень, о чём лучше сразу забыть.

Как сейчас помню, он повернулся ко мне, вынул душу своими невозможными синими глазами и спросил с живым любопытством:

– О чём мне лучше забыть сразу?

– О самой идее ехать на север зимой, – объяснила я.

– В другое время не получится, – скорбно вздохнул Ори. – Вы же сами прекрасно знаете вашу погоду и ваш климат. Весной, летом и ранней осенью – непролазное болото с полчищами гнуса. Средние весна и осень – лёд ещё некрепок. Только зима, и, лучше всего, её начало, когда температура

воздуха не опускается ниже критических значений, при которых выход за пределы домовладений проблематичен даже для огневииков вроде вас. То есть – сейчас.

Логично. Не поспоришь. Но если он такой осведомлённый о нашем суровом климате, почему же отправился в дорогу на не приспособленной к зиме машине? Загадка. Об этом я и спросила.

– О, всё просто, – улыбнулся Ори. – Но вначале вы должны подписать контракт.

– Какой ещё контракт? – неприятно изумилась я, руки дёрнулись, и машина вильнула, выписав по полотну дороги неизящную петлю в форме буквы «зю».

Аккуратнее, на скорости-то! Аккуратнее, сцепление у воздушной подушки с ледяным полотном никакое, так и на обочину кверху брюхом залететь недолго. Энергоблок посадишь, а то и два, выбираясь обратно.

Силовые поля – штука отличная. Но они настоящие энергетические свиньи, и сделать их скромнее в плане потребления пока ещё не удаётся. Поэтому такое поле – экстренное средство, в ситуации, когда совсем уже край. Обходимся воздушными подушками. Дешёво и сердито.

– Простой контракт, – терпеливо повторил новый знакомец. – На оказание экспедиционных услуг. Тогда я смогу вам доверить некоторую важную информацию.

– Если я откажусь? – предположила я.

– Мне будет жаль, – абсолютно серьёзно ответил он.

Я не выдержала, посмотрела на него. Он ответил таким же серьёзным изучающим взглядом. Ори не выглядел пройдохой, вот же беда. Но и кристально честным тоже ведь не назовёшь. К чему тайны, требующие контракта?

– Понимаете... – он запнулся, потому что я так и не назвала ещё ему своё имя.

– Валерия, – подсказала я, решив избавить парня от лишних мучений.

Он кивнул с благодарностью и продолжил:

– Понимаете, Валерия, сейчас мы находимся в очень благоприятном моменте. И если я его упущу – мы упустим! – всё пойдёт прахом.

Я слегка дёрнула плечом. «Мы»! Как будто я уже согласилась на контракт, не видя его условий. За кого городской меня держит?

А он озвучил сумму контракта. От которой у меня зазвенело в ушах.

– Повтори, – потребовала я, решив, что ошиблась и услышала неверно.

– Мало? – забеспокоился Ори. – Могу увеличить на...

– Стоп! – велела я ему. – Стоп. Мне, конечно, очень хочется вытащить из тебя как можно больше – жадность чувство серьёзное! – но я знаю, что столько энерго за красивые реснички не платят. В чём подвох?

– Отправиться необходимо прямо сейчас, – охотно объяснил Ори и добавил: – Не заходя в Песочное. Песочное нам

не по дороге.

— Однако! — изумилась я ещё больше. — Начинается буря; по такой погоде по полям не гоняют!

— У вас «Антарес-двести», Валерия, — меланхолично выговорил новый знакомец. — Такой машине никакой буря не указ.

Он удивлял меня всё сильнее и сильнее.

— Если ты разбираешься в машинах настолько, что не просто опознал мою, но ещё и держишь сейчас в уме её характеристики, сопоставляешь их с погодными условиями за бортом, — медленно выговорила я, — то какого же чёрта ты полез в поле на куцей «пташке»? И погодную карту, полагаю, ты тоже смотрел!

— Так надо было, — упрямо поджал он губы.

— Надо было? Убить себя?

— Контракт, — он сложил руки на груди и посмотрел на меня несгибаемым взглядом. — Без контракта ничего не расскажу.

— Даже если упустишь свой благоприятный момент?

— Даже если упущу.

Я закрипела зубами. Ори меня занимал и бесил одновременно. Потрясающая упёртость, едва ли не фанатизм, загадка и тайна, и поистине неисчерпаемый запас энерго на счёт, чтобы с такой лёгкостью выделить шестизначную сумму на контракт не пойми с кем, не проверенным в деле, и ещё, при виде колебаний, спрашивать, не мало ли даёт...

И вместе с тем он прекрасно осведомлён, как мы здесь, на краю мира, живём. Нарушить обещание или наплевать на заключённый контракт – это не про нас. Вероломство карается безжалостно: изгнанием из общины и оповещением на все стороны света, кто, за что и почему. В одиночку в поле не выжить, во всяком случае, зимой. А в городах отщепенцев тоже не жалуют. Кому по здравому размышлению нужна такая жизнь?

В лобовое стекло швырнуло снегом, и наступил тревожный, глубокий полумрак. Видимость сразу упала до нуля. Всё, приехали. Я прижала машину к обочине. Реверс, затем убрала подъемную силу. Машина прочно встала на брюхо. Ветер не опрокинет нас, переживём, но я так надеялась успеть до бурана к теплой кухоньке родного дома с горячим кофе и свежими новостями от мамы о том, кто куда когда и где в нашем Песочном!

Поселение небольшое, все на виду, развлечений мало. Свежие уши – катастрофический деликатес, а меня не было дома почти две декады. Мама будет трещать, не умолкая, я – кивать, пропуская мимо ушей, она будет знать, что я не слушаю, я буду знать, что она знает. Но главное же не в этом. Главное – кофе, домашние булочки, запах ванили и малинового варенья, рыжие искры в чёрной шкурке «горячего» ко-та...

Да, у нас и животные огневики тоже. Без паранормы не выжить, говорю же. У кого её нет, те сидят в городах.

Ори между тем уже протягивал мне флэш-куб.

– Условия контракта. Ознакомьтесь, Валерия.

Вот, опять. Я у него не спрашивала, он меня опередил. Мысли мои читает, что ли? Но взгляд невинный и чистый, как бы говорил в ответ: «Я? Мысли? Ну, что вы, Валерия, я не умею». И тихая, слегка виноватая улыбка, как будто он извиняется за то, что вправду не умеет читать мысли.

– А вкратце? – упрямство не давало мне сдаться сразу. – Может быть, вы едете на охоту, и в мои обязанности войдёт свежевание тушек песцов и зайцев или снежных волков с медведями, а я этого не люблю. Кровь, кишки, вот это всё...

– Геологоразведка, – нехотя объяснил он. – Экспедиционные услуги: привезти – увезти. Скоро начнётся полярная ночь, и вместе с нею полнолуние, нам нельзя терять светлое время зря.

Полнолуние в полярную ночь – идеально. Лучше и вправду не упускать.

Я раскрыла экран, вчиталась в условия. Стандартно всё. Геологоразведка, поиск артефактов, работа в поле, срок не определён, но не дольше двух месяцев. И сумма... Я решила, что такая сумма – доплата за зимнее время экспедиции, и ведь справедливо же! Зимой непросто.

Имя же у моего нового знакомого оказалось совсем занимательным.

Орион «Ори» Роермааррем, так он значился в документах. Ну, городской... там каких только чудиков не встретишь...

они как только детей своих ни называют. Имя показалось мне смутно знакомым, но сходу я не вспомнила, когда и где могла его слышать, и потому не стала напрягаться. Вспомню ещё! Или не вспомню...

Приключения! Приключения! Я всей кожей чувствовала этот зудящий зов: меня ждут приключения! Таинственный северный путь в компании интересного парня. Ну и деньги, конечно же. Песочное наконец-то закончит мост через Нижнюю балку, и у нас появится вторая дорога на Отрадное, короче той, на которой я сейчас застряла.

С контрактами у нас так. Две трети суммы – общине, треть себе. Потому что без общины ты никто и выжить не получится, только разве что в город уходить. А о городе я уже всё сказала в самом начале: давит. Неуютно. Ещё по работе там задерживаться на несколько дней – можно, но жить – увольте.

– Знаешь, – решила я, – а я вот возьму и соглашусь!

Ори просиял, но я подняла ладонь:

– Но ты будешь меня слушать! Никаких «пташек» мне в поле, машину к нам в ангар сгрузим, мать с братьями переберут, может, починят. Будет как новенькая. Или будет как металлолом, если не повезёт.

Я вернула ему документ, уже завизированный отпечатком моей ладони. Ори бережно отключил флэш-куб и спрятал его в карман. Сел прямее. Глаза заблестели.

– Сейчас, – сказал он, – мне нужен доступ к радиостанции,

Валерия.

– Пожалуйста, – я перелезла с места водителя назад.

Ори мгновенно развернул гибкий планшет, подключился к рации через переходник, и на прозрачном экране побежали зелёные буквы и цифры так быстро, что я не могла их считать. А Ори вроде как мог, его пальцы порхали по дополнительной клавиатуре с поражающей воображение лёгкостью.

– Есть! – с полным восторгом выдохнул он, замирая на месте.

Я терпеливо ждала.

В машине стояла плотная, поскрипывающая тишина, тонко звенел ледяной снег, стекая по лобовому стеклу. Видимость оставалась нулевой по-прежнему, только там, наверху, уже стемнело, и полумрак превратился в чернущую тьму, слегка разбавленную светом из наших окон.

– Слышите, Валерия? – обернулся ко мне Ори.

– Что? – не поняла я.

– Прислушайтесь!

Тишина. Снежный перезвон. Радиопомехи – кр-кр-кр-тиу-фх-ш-ш-ш... и сквозь них слабенький, на пределе слышимости, – ту-ут, ту-ут, ту-ут... То пропадёт, то снова слышен. Я обхватила себя руками за плечи.

Острый восторг пополам с тревожностью накрыли меня. Приключения начались, но, кажется, я всё-таки зря подписала контракт...

– Это маяк, – счастливо сказал Ори, прижимая к себе

планшет как маленький ребёнок только что подаренную ему яркую погремушку.

– Маяк, Валерия! Я не ошибся! Вот к нему нам и надо. Азимут – шесть...

– Азимут шесть – это направление почти что на полюс, – сказала я. – В зиму! Ты уверен?

– Абсолютно.

– Чей это маяк?

– Городской.

– Издеваешься? На север от нас нет никаких городов!

– Сейчас – нет, – ответил Ори. – Но когда-то они были, и один из них шлёт нам сейчас сигнал своих маяков. Там, конечно же, нет людей, но зато осталась управляющая система в спящем режиме. Наша задача – пройти туда и вывести город из консервации или же убедиться, что активировать его не получится.

– А, Роермаррем! – вспомнила я наконец имя. – Кριοархеолог, дыхание истории, загадки и тайны прошлого, передачи по ХреньКанал...

– Не хрень, – обиделся он, а К-Р-Е-Н, по первым буквам фамилий основателей канала! Р, между прочим, это я, Роермаррем!

– Я тебя маме покажу, – пообещала я. – Автограф ей дашь. Она ваш канал любит.

Любит – не то слово. Повторяет без конца, как испорченное радио с выдернутым ограничителем. А суть в том, что

команда (стукнувшихся в детстве головой о самосвал, зачёркнуто) умных людей мотается по планете и ищет вмёрзшие во льды поселения прошлого. Есть у них стройная теория, что когда-то здесь, среди наших пустошей, стояли большие и красивые города, существовала разветвлённая сеть дорог и вообще, жизнь всюду была ключом (не по голове).

– Валерия...

– Почему ты здесь один? – спросила я напрямик. – Где остальные? Почему ты оказался в сдохшей машине на не самой оживлённой трассе на краю обитаемого мира один?

Он свёл вместе кончики пальцев. Ещё раздумывал, поганец, говорить или нет!

– Я подписала контракт, – напомнила я. – И если в твоей «пташке» сейчас находятся тела твоих приятелей, то мне с тобой не по пути. Сдам к чертям в наш околоток, пусть капитан разбирается!

Ори покраснел – пятнами. Рванул ворот, задыхаясь. Потом высказался тихим, но страшным по оттенку голосом:

– Как ты смеешь! Да как тебе в голову пришло обвинить меня в подобном! Меня!

Злость пробила барьер, из речи нового знакомого исчезло холодноватое «вы». Горожане так показывают дистанцию. Где они, а где тот, с кем они говорят. Даже если им хамить и тыкать, в ответ всё равно будет идти убеждающая своим спокойствием вежливость. Но тут уж видно от спокойствия не осталось ни клочка!

– Так есть трупы или нет? – я не отвела взгляда.

– Нет! – выкрикнул он. – Можешь посмотреть!

– Верю, – подняла я ладони. – Но почему тогда ты был один? Ты не погиб по счастливой случайности! Я вообще собиралась в городе на ночь оставаться, из-за бурана по прогнозу! Чтобы вот так, – ткнула я в окно, – не торчать.

Снаружи по-прежнему суетилась метельная тьма. Радиоприёмник подмигивал с приборной панели красным огоньком: связи не было.

– Мы поссорились, – неохотно ответил Ори, отводя взгляд. – Они пошли на юго-восток, хотя ничего они там не найдут, вот увидишь. А я решил отправиться на север...

– На «пташке»? Городской машине, не приспособленной к северным поездкам!

– Да, но... чтобы выйти на автоматический маяк, надо послать сигнал бедствия, иначе они же не отреагируют! Не ответят! Я пробовал посылать сигнал просто так, ничего не вышло.

– И тогда ты решил покончить жизнь самоубийством, – покачала я головой. – Беда с вами, учёными умниками.

– Но у меня получилось! – заявил он тоном «победителя не судят».

– А не факт, что именно твой потерянный город тебе ответил, – хмыкнула я. – Вполне возможно, откликнулся древний раскохшийся буй, забытый подо льдом какими-нибудь пьяными рыбаками!

– Вот съездим и посмотрим, азимут известен, – упрямо сказал Ори. – Подписала контракт? Обеспечивай!

Он всё ещё злился на меня из-за того, что я решила, будто он в принципе мог навредить коллегам, увлечённым той же идеей, что и он сам.

Ладно... может быть, я зря палку перегнула. Ори мне нравился, даром, что городской. И мама его передачи любила...

– Кофе хочешь? – мирно спросила я.

Ори поджал губы. Обида ещё не прошла, но кофе хотелось, и кофе победил. Я заварила с имбирём.

Моему новому знакомцу понравилось.

ГЛАВА 2

Буран, как и предсказывали метеорологи, унялся лишь к утру. Это, собственно, был ещё не настоящий буран, а так, буранёнок. Проба сил. Настоящая непогода придёт позднее, вместе с лютым морозом, когда даже мы, огневики, не рискуем лишний раз нос из дома наружу выставить. Так что если и был у нас с Ори шанс по-быстрому смотаться на север, посмотреть на рыбацкий буй и вернуться обратно до серьёзных проблем с погодой, то только если отправимся в ближайшую декаду.

Я проснулась первой. Ори было не видать под клетчатым пледом, в который он завернулся с головой. Замёрз всё-таки. Как бы не простыл... Накроется тогда его марш-бросок медным тазиком с пластиковыми ручками!

Радиостанция мигала жёлтым огоньком вызова. Связь восстановилась. Снег ещё падал, но слабо, и в сплошном облачном покрове наверху появилась большие прорехи. Обманываться, впрочем, не следовало, на подходе был ещё один снежный заряд, и вот тот уже – как раз на несколько дней подряд, пока мы будем готовиться к путешествию.

Я надела наушники, приняла вызов. Мама.

– Лера, доча, ты где?

Схodu, без доброго утра. Понять можно, она меня поте-

ряла. А мама есть мама, ей невыносимо, когда кто-то из нас внештатно не на связи.

– На трассе стою, километров сто не доехала, – ответила я, стараясь говорить потише, чтоб мой гость не проснулся.

Пусть поспит. Ему полезно.

– Как же так? Не рассчитала?

За неумение рассчитывать время в дороге мама нас гоняла с самого детства. Хуже двойки по алгебре! Алгебру можно выучить, а вот если не проскочишь вовремя до ухудшения погоды, будет тебе и алгебра и выволочка от родительницы.

– Да тут одного на дороге подобрала... у него машина заглохла, – объяснила я. – На нём время и потеряла. Так что встречай гостя. Он у меня с сюрпризом!

Я не стала ей говорить, что везу того самого Роермаррема. Зачем сразу правду вываливать? Всему своё время.

– Грейдер уже отправился, – уведомила мама. – Как мимо тебя пройдёт, дай знать, чтобы я не волновалась.

Дороги у нас зимой никто не чистит, нет смысла. Просто проходит грейдер и утрамбовывает выпавший снег в плотное полотно. За наш участок дороги отвечаем мы сами, а вот вся остальная дорога, от поворота на Отрадное, в обе стороны, в зоне ответственности Отрадного и города. Но наши обычно никогда не отказываются проехать дальше, если просят. Так же, как и отраденцы с городскими. Дорожные службы всегда работают в связке и подстраховывают друг друга.

– Ма, – сказала я, – только не ругайся...

– Впечатляющее вступление, – одобрила мама. – Продолжай.

– Я контракт везу. Сказать сумму?

– Скажи лучше, что от тебя за ту сумму понадобится.

– Нет уж, слушай сумму!

Тишина, прерываемая трещанием помех. Панель радиостанции мягко светилась зелёным, рождая в машине таинственный колдовской полумрак.

– Ты продала душу чёрту, Лера?

– Ты же не веришь в чертей, мама!

– Я не верю в благотворительность! – отрезала она. – Что от тебя требуют?

– А... пустяк... – ладно, мама всё равно узнает! – Маршбросок на север... Слушай, мы с Крисом летом собирались... и не поехали... и там всё вот это так и стоит в ящиках в ангаре, так ты выстави и проверь, а ещё я тебе везу заглохшую «пташку», может, починишь. Артура привлеки, а то он на своём сноуборде когда-нибудь в Нижнем овраге шею себе свернёт, и будет жаль, мозги и руки у младшенького на месте, и...

– Ты мне зубы не заговаривай, – сходу пресекла моё многословие мама. – Какой тебе север в зиму?!

– Обыкновенный, – вздохнула я. – Азимут шесть... Ма, не выноси мозг, контракт подписан, энерго на общий счёт уже наверняка поступили!

– Лера!

– А у Леры индекс Гаманина – двести, – рассердилась я.
– И Лере уже двадцать три, с горшка давно слезла! Ма, не начинай.

Индекс Гаманина – совокупная характеристика паранормальной мощи огневика, присваивается по результатам квалификационного экзамена. Двести, без ложной скромности, это очень прилично. Выше только у армейских, с их программами спецподготовки. Кстати, звали. Но я не пошла, потому что служить пришлось бы на юге далеко от Песочного плюс казарма со злыми сержантами – не моё, я волю люблю. И в машинах копать.

– Приедешь – поговорим, – зловеще пообещала мама и отключилась.

– А я думал, мы отправимся прямо сейчас! – возмутились у меня за спиной.

Я обернулась. Ори проснулся, причесаться не успел, потому что не до приведения себя в божеский вид, надо же срочно уши погреть об чужой разговор. Тёмные вихры дыбом торчали во все стороны словно после удара током. Вид у парня был потешный донельзя, я с большим трудом задавила смешок.

– Какое сейчас! – сказала я ему. – Машину обслужить надо, заправить, «пташку» твою отдать Артуру на потрошение и починку, а освободившееся место забить полезным грузом. Едой, например. Или ты снегом питаться собрался в дороге?

Ори промолчал. О еде он явно не подумал. И не только о

еде, как я посмотрю. Вообще, забота о комфорте и безопасности, похоже, не его конёк совершенно. Скорее всего, за брренное материальное обеспечение отвечал в его группе кто-то другой, с кем он поссорился, отстаивая свою, не популярную среди остальных, точку зрения. Восторженный фанатик своей науки. Витающий среди небесных кренделей к тому же. И сидел бы в своём городе, теоретик! Так нет же.

– Нанял меня в экспедиционные услуги, терпи теперь, – заявила я. – Я не позволю тебе сдохнуть.

Он кивнул, соглашаясь с моими словами.

– Про азимут не трепись больше, – угрюмо заявил он. – Кто тебя за язык дёрнул? Понимаю, мама, но контракт читай, вкладка «неразглашение» и какие там штрафы... Ого!

Я проследила за его взглядом.

За лобовым стеклом, в тёмном небе в разрывах облаков стояли алые, оранжевые, фиолетовые, зелёные, снова алые столбы северного сияния. Они заливали мир призрачным огнём, и сквозь него просвечивали ковш Большой Медведицы и дубль-W Кассиопеи. А над горизонтом косо висела рыжая половинка Луны, растянутая из-за атмосферной рефракции.

– Никогда не видел? – спросила я, почему-то шёпотом.

– Не такое полное, – ответил Ори тоже тихо.

Я подумала, что сияний мы увидим ещё немало, на север же собрались. Но говорить ничего не стала. В такие моменты хочется замереть и впитывать зимнюю красоту, не отвлекаясь ни на что. Каждый ведь раз, как в первый. Такая гран-

диозная, нервная, нежная северная сказка. А Ори, по его же собственным словам, полных сияний никогда не наблюдал. Ему, наверное, ещё удивительнее, чем мне.

Грейдер прошёл часа через три, когда на юго-востоке начало уже светлеть. Мощная тяжёлая машина оставляла за собой ровное плотное полотно. Мне помогли откопаться, – за ночь бок замело знатно. И в одном из откапывающих я с изумлением узнала Криса.

Этот-то чего дорожными работами занялся?

– Услышал, что ты на трассе торчишь, – ответил он на мой немой вопрос.

– Ну да, ну да, и ты, как благородный рыцарь, помчался спасать из снежного плена свою принцессу, – не удержалась я от язвы. – Скажи лучше, что опять машину Оксана отобрала. Ей нужнее.

Крис отвернулся.

– Не начинай.

– Как скажешь, – пожала я плечами, и вдруг с изумлением поняла, что мне уже всё равно.

Летом на меня обрушилось небо, осенью грызла тупая тоска по горячим ладоням Криса, его губам, его поцелуям. А вот сейчас, в начале зимы, мне всё равно.

– Лера, – он вдруг поймал меня за локоть.

Я посмотрела на его руку, потом на него, потом снова на руку. Крис понял намёк, пальцы убрал.

– Чего тебе? – спросила я тогда.

– До сих пор злишься?

Ах, этот его замечательный (нет) тон «ачотакова». Я спал с твоей подругой в твоём доме на твоей постели, ты до сих пор на меня за это злишься? А могла бы уже и простить, глупенькая. Свои же люди!

– Нет, – беспечно ответила я. – Не злюсь.

– Врёшь ведь, – убеждённо заявил он. – По лицу вижу же, что врёшь!

– Что тебе надо? – напрямик спросила я его. – С Оксаной поссорился?

Он скривился, и я поняла, что попала по больному.

– Скажи мне ещё сейчас, что ты ошибся, ты сожалеешь и что хочешь всё вернуть, как было. Давай.

– Вот ты стерва, Лера! – возмутился Крис.

– Изменил мне ты, а стерва – я, – восхитилась я. – Крис, иди ты к пиям собачьим, понял?

– Лера, – крикнул он мне в спину, – мы ещё поговорим!

Я, не оборачиваясь, показала ему средний палец. У меня было дело, мне надо было осмотреть двигатели. Перед каждым запуском осматривают двигатели, этот стандарт написан кровью и потому вбивается в подкорку на уровне рефлекса.

Крис пошёл было за мной, я слышала его шаги, но тут от грейдера донёсся сигнал, мол, хватит уже время терять,

поехали. Пришлось бывшему лезть в высокую кабину. А как не хотел! Но он что думал? Что вернётся в Песочное вместе со мной? Однако!

Грейдер дал гудок и пополз дальше, к повороту на Отрадное. Я мысленно плюнула ему вслед. Не дорожной технике, конечно, а наглому бывшему. Поговорить он со мной собрался. Как же. Я ему поговорю... раскалённой монтировкой по балде...

Я внимательно осмотрела двигатели, не прорвало ли защитную сетку, не натащило ли на лопасти мусора. Ни мусора, ни повреждений не увидела. Повезло, а то бы пришлось ждать обратно грейдер и плестись на буксире.

Небо снова затянуло облаками, мороз утих до травоядных минус пятнадцати, зато усилился ветер. Ага, знаем, плавали – на подходе второй заряд, и, по прогнозам, он продержится дольше. «Просим воздержаться от поездок за пределами поселений»...

В дальних зимних экспедициях перед началом бурана рекомендуется найти т.н. естественное укрытие или окопаться, если ледяная пустошь ровная, как стеклянный стол. Занесёт снегом – выкопаешься, но если сила ветра превысит тяговую мощность двигателей, тебя ждут ну очень неприятные сюрпризы в стиле «подняло да шлёпнуло». Обо что шлёпнуло? Да обо что угодно! И не спасут.

С тихим «крак» лопнула заколка-крокодильчик и стянутые в гульку на затылке волосы радостно посыпались во все

стороны, спасибо ветру. Волосы у меня вьются жёсткими кольцами, вязать их надо мощно и крепко, на ветру – невыполнимая миссия. Оставила так. Заколку жалко, я же на неё ещё и наступила от неожиданности, так что без шансов. Ладно... Всё равно они у меня долго не живут.

– На тебя смотреть холодно, – сказал Ори, когда я вернулась в салон.

Замёрз, городской. Ничего, сейчас двигатели запустим – согреемся. Я отметила, что Ори не вернулся к вежливому «вы», а ведь мог бы. И тогда... не знаю... тогда что-то, едва проклюнувшееся вчера, лопнуло бы без права на сборку, как несчастная заколка. Я тихо обрадовалась тому, что этого не случилось.

– Твой мужчина? – вдруг спросил Ори.

– Что? – я аж обернулась к нему.

– Вы поссорились, – с абсолютно невинным видом сообщил мне он. – Я в окно наблюдал...

Ну... да... обзор из окна, возле которого сидел мой новый знакомец, как в театре – шикарный.

– Да ну его, – с досадой сказала я, возвращаясь к управлению. – У него Оксана есть.

Загудели двигатели, машина плавно поднялась над дорогой. Впереди, на юго-востоке, небо уже понемногу светлело. Кромешная тьма зимней ночи отступала, растворяясь в синих сумерках. Примерно через час-полтора выкатится кругляш солнца, постоит немного над горизонтом и нырнёт об-

ратно.

— Какая скорость, — пробормотал Ори, нервно вглядываясь в окно. — Любишь гонять?

— Дорога утрамбована, можно, — откликнулась я и пояснила: — Гонять я не очень люблю, мне больше нравится забираться в какие-нибудь глухие углы, где до меня никто не бывал или бывали редко. «Антарес» — модель амфибийного типа, с ним хоть куда. Так что за экспедиционными услугами ты обратился по адресу. Тебе повезло.

Он не стал спорить. Спросил, сколько нам ехать до Песочного.

— Примерно полтора часа... меньше ста километров. Но если поднажать, будет быстрее.

— Поднажми, — попросил Ори, и у него загорелись азартом глаза.

Ты хочешь упиться скоростью? Понимаю! Держи.

Оставшийся путь до Песочного и собственно до моего дома мы пролетели с ветерком. Я лихо остановила машину разворотом, аккуратно перед распахнутыми воротами нашего домовладения.

Меня встречали. Мама в рабочем комбинезоне и с газовым ключом в руках. Понятно, в ангаре работы как всегда — начать и закончить, а братец поди опять в Нижний овраг наладился, соревноваться с приятелями в том, как эффектнее расплескать мозги по камням. Артур хочет блеснуть на зимних играх в Отрадном, задатки есть, и я его понимаю.

Но у парня в голове штырь, и девочку он себе нашёл точно такую же.

– Лихачишь, – вместо приветствия начала бурчать на меня мама, она прекрасно видела, как я сбрасывала скорость.

У неё такие же рыжие непослушные волосы, как и у меня, серые глаза и большие кулаки. Всю жизнь с техникой, с детства, семейное дело. К нам чиниться со всей округи приезжают.

– Ну-ну-ну, мам, не ворчи, – сказала я, на самом деле я была очень рада маму видеть.

Вот ведь как, две недели в городе – и к родным лицам привыкаешь потом заново.

Ори уже выбрался из машины и весь съёжился, приплясывая от холода. Идиот, подумалось мне. Он не только в «пташке» из города высунулся, он ещё и одежду себе подобрал неподходящую.

– Мама, это Ори, Ори – это моя мама Елена, – познакомила я их. – Ма, бросай железку, видишь, гость мёрзнет.

– Я не мёрзну! – попытался было в благородную стойкость Ори.

– Пойдём, пойдём, – подхватила мама. – Ишь, синий уже весь, городской. Пошли, горячего налью!

Горячее – мясной соус с чесночными пампушками, – Ори пришёлся по душе. Смёл сразу, мама тут же подсунула ему добавки, жалостливо качая головой. По её меркам наш гость был слишком уж худосочным. Тощий, длинный, щёки от

недокорма втянулись, того и гляди свалится в голодный обморок. Ну, городской, что с него возьмёшь. Они ведь там, в городах у себя, синтетическую пищу трескают и даже понятия не имеют что такое нормальная, настоящая, еда.

Я с азартным любопытством следила за выражением мамино лица. Не хотелось упустить момент, когда же она наконец-то узнает героя из любимых ток-шоу драгоценного Хрень-канала. Не может же она быть настолько слепой! Или голографический экран одно, а суровая реальность – другое?

Комнату Ори отвели на гостевом втором этаже. Мы с мамой не стали даже слушать его жалкий лепет «не хочу вас стеснять, попрошу временное жильё в администрации поселения».

– Глупости, – сказала я. – Я тебя первой нашла, с чего я должна отдавать тебя администрации?

– Гость в доме – счастье в доме, – процитировала мама одну из народных мудростей.

Счастье порой оказывалось спорным, но не в данном случае. Городской с хорошо подвешенным языком и головой, набитой самыми разными интересными историями, это определённо то, что необходимо оставить у себя! И пусть все соседки от зависти на слюни изойдут. Не так уж много у нас гостей останавливается на постой, чтобы ими разбрасы-

ваться.

Мама так и не догадалась пока ни о чём, а Ори молчал. Я решила не палить нового знакомого. Может, ему надоели, что его постоянно везде узнают и просят автографы. Но, прямо скажем, шансов сохранить тайну у него оставалось немного. Не мама, так кто-нибудь другой распознает.

Но гость прекрасно спалил себя сам.

Я ушла в ангар. Мне там хватило работы. Вытащить из грузового отсека дохлую «пташку». Вытащить и разобрать коробка с заказами. У нас обычно кто в город едет, всегда спрашивает у соседей, что им оттуда с собой прихватить. В пределах разумного, разумеется. Так же я вытащила и разобрала приобретённое уже для нашего хозяйства. Инструменты, запчасти, новые батарейные блоки...

Потом я устала и решила пока с разбором закончить на сегодня. Вечером потянутся соседи, забирать своё, увидят Ори, и томный вечер нам обеспечен. Мама будет счастлива, а мне бы вовремя слиться. В прошлый раз от застолья отвертеться не удалось.

Девчат у нас меньше, чем парней, вот и... Как только народ узнал, что с Крисом у меня всё, так и началось паломничество. Мама их привечает, считая, что неудачные отношения надо выбивать клином новых отношений. А мне бы бледными поганками их всех накормить, чтоб дорогу забыли. Но кто же даст.

С коробкой специй я прошла на кухню, разложить их в ба-

ночки по полочкам. Мама решила испечь оладьев, и по дому расплзался теперь дразнящий яблочный аромат. Ори уже умял целую тарелку и теперь пил кофе, довольно жмурясь. А по голографическому экрану шла любимая мамина передача, про археологию и загадки прошлого.

Я стащила оладушек и стала слушать.

Ведущий азартно рассказывал, что экспедиция на юго-восток сорвёт наконец-то завесу тайн: согласно расчётам, там будет обнаружен древний город прошлого, а то и не один.

Сеть древних городов искали давно, но настолько безуспешно, что в обществе принято было над такими поисками смеяться. Я наблюдала за Ори: он аж заострился весь от слов тех, с кем, по его же признаниям, крепко поссорился. Сейчас он выступит. Вот прямо сейчас!

– Ничего они там не найдут! – не вынесла наконец-то душа поэта. – Даже битой бутылки.

– Почему? – удивилась мама.

– Потому что граница Союза Стран Северо-Восточного региона через тот район не проходила вообще! А искать следы СССР там, где его отродясь не бывало, полная глупость.

– Позвольте, почему не существовало! – возмутилась мама.

Ну и всё. Яростный спор, Ори снова покраснел, как тогда на дороге – пятнами, вошёл в раж и выдал пламенную речь на тему «они ошибаются, на самом деле всё совсем не так». Мама смотрела на него как на явление бога народу. Не

поспоришь: Ори великолепен. Прекрасный лектор, не удивлюсь, если в каком-нибудь из южных городов, он преподаёт студентам и не стесняется выступать перед детьми в школах, ради расширения кругозора учеников.

Сама я лучше двигатель какой-нибудь переберу вручную, но учить детишек механике не стану ни за что. Дети меня в ступор вгоняют, пусть с ними учителя занимаются, им по должности положено. Мне же братца Артура за глаза хватило!

– Это что? – обалдело спросила мама у меня, когда Ори умолк, переводя дух. – Это как?!

– Это Ори, – сказала я.

– В нашем доме?..

– Ага, – кивнула я.

– Вы сейчас о чём? – спросил Ори, заподозрив что-то неладное.

– О том, что ты звезда, – объяснила я. – Готовься. Мама ведь язык за зубами не удержит.

– Что сразу мама... – недовольно выговорила родительница.

– Ты же тёте Полине расскажешь, – ехидно сказала я. – И тёте Марии. И Валентине Николаевне. И Марии Алексеевне. И Зое Петровне. По стр-р-рашному секрету, разумеется. Пошли, Ори. Пока здесь полпоселения не собралось!

ГЛАВА 3

Я увела нашу звезду в ангар прежде, чем мама успела слово вставить.

– Вот твоя «пташка», – показала я новому знакомцу его машину. – Надо будет разгрузить.

Ори послушно двинулся к машине:

– Сейчас...

– погоди, – придержала я городского за локоть. – Сначала мы у общины выпросим прошлогодний снег. То есть, вездеход. Не знаю, как, не знаю, каким образом, но надо их убедить, и аргументы должны быть весомыми. Без вездехода всё пропало, лучше дома сидеть. Потому что моя машина для долгого похода на север не годится. Во-первых, маленькая...

– Маленькая?! – Ори недоверчиво оглядел мою машину, стоявшую рядом. – Это «Антарес»-то.

И вправду, моя машина по сравнению с городской «пташкой» выглядела внушительно. Из-за большого багажного отсека, я думаю. Хотя двигатели тоже вызывали уважение.

– Во-первых, да – маленькая, во-вторых, через крупные торосы и камни не пройдёт всё же, – объяснила я. – Вездеход лучше. Но их в частном владении нет, будем просить у общины. Я надеюсь, всё же дадут, потому что сумма контракта

с тобой очень уж симпатичная. Но если у тебя завалялись на счету добавочные лишние энерго, которыми ты совершенно добровольно решишь поделиться сверх оговорённой в контракте суммы, то они выделяют вездеход с куда большей охотой. Право на вождение крупной техники у меня есть. Допуск к полевым экспедициями тоже.

– Тебе всего двадцать три, Валерия, – усомнился Ори в моих словах.

Он смотрел на меня скептически, всем своим видом выражая недоверие. Я лишь вздохнула. Совсем у них, в городах, глупые порядки. Можно даже сказать, идиотские.

Двадцать три, видите ли, возраст детства. Слишком хорошо живут. Тепло, комфортно и сытно.

– Ори, родной, – ласково сказала я, – совершеннолетие у нас наступает в четырнадцать, и наши четырнадцать – это не ваши городские четырнадцать, когда от персонкода индивидуальной ответственности у юного гражданина одно лишь название. Мы тут живём... сам видишь, как мы живём. В двух часах от смерти. Именно столько есть у тебя зимой после того, как ты застрял на трассе. Ты же сам в такое попал недавно, должен понимать! У нас взрослеют рано. В дальние экспедиции лично я хожу с шестнадцати. Говорю же, тебе повезло. А тебе самому-то лет сколько? – добавила я вопрос в порыве вдохновения.

– Двадцать восемь... – ответил он растерянно, и тут же спохватился, что болтнул лишнего.

Но поздно. Слово вылетело, как птичка, не поймаешь его.

– Наглядная иллюстрация к моим словам, – хмыкнула я.

– Можно сказать, эталонная.

Ори весь целиком превратился в знак вопроса. Я сжалась над ним и растолковала:

– Ты в свои двадцать восемь полез в поле на «пташке» и имел в виду, что отправишься на север в зиму на ней же. А у нас десятилетние дети уже чётко понимают, что так поступать – самоубийство чистейшей воды. В общем, во всём, что касается безопасности экспедиции, слушаешь меня. Понятно? Безоговорочно. Без возражений.

Согласиться со мной сразу ему не давала гордость, а спорить – здравый смысл, которым всё же природа его не обидела. Поэтому городской молчал, пытаясь найти в себе нужные слова. И ни одного не нашёл. Бывает.

– Ладно, – подытожила я. – Пойдём в администрацию поселения, подадим заявку. Учти, народ там скептический и практический, продумай речь заранее. А пока ты думаешь над тем, что и как сказать, я одежду тебе подберу нормальную. Иначе вымерзнешь на полпути к нашему управлению. И никакая экспедиция не понадобится.

Пока мы возились с одеждой – подобрать оказалось труднее, чем я думала, Ори – тощий и высокий, одна куртка в плечах узка, вторая болтается, как мешок на палке, и подтянуть не получается, – пришёл Крис.

Я вообще-то заказ привезла для его матушки, и придти

за ним должна была она. Но он, видно, уговорил её, что сам справится. Урод. Самое смешное, я понимала, отчего его плющит: я должна была хранить ему верность до конца своих дней. Рыдать и плакать. Походить на собственную тень. А я Ори нашла. И неважно, что у нас с Ори ничего нет и вряд ли будет, как-то городские из прибылых мне совсем не по вкусу вообще-то.

Главное, я открыто и свободно общаюсь с другим женщиной. Для мерзкой ревности Криса этого достаточно. Какой же он противный. Как я раньше с ним спала и не видела, насколько он противный!

– Вот этот ящик и вот этот, – указала я Крису. – Забирай и проваливай.

– Лера...

– Поговорить? – спросила я у него и тут же ответила: – Не хочу.

– Лера, не будь же ты такой упрямой душой! – в сердцах высказался Крис. – Я тут слышал, ты в экспедицию собираешься? Одна! Это же самоубийство!

– Ты Оксане сказал, куда пойдёшь? – поинтересовалась я.

– Лера! – возмутился бывший.

– Не сказал, – кивнула я. – А мне пеняешь, что я на самоубийство подписалась.

Тут в ангаре появился Ори в жёлтой зимней куртке, и с такой же, только красной, курткой в руках:

– Валерия, я выбрал вот эти две...

У Криса аж нос заострился, когда он увидел городского. А Ори тоже замолчал, разглядывая Криса. Узнал он его или не узнал, понять было сложно. В конце концов, Ори видел моего бывшего лишь в окно, в утреннюю темень.

– Крис, это Ори, – представила я их. – Ори – это Крис, и он уже уходит.

– Лера! – Крис уходит явно не собиравшись, но я уже повернулась к нему спиной.

– Пойдём, Ори. Вторую куртку покажу, куда положить, в гардеробной есть шкафчики, выделим тебе твой собственный. Как, готов прогуляться по поселению?

– Лера! – Крис хотел схватить меня за локоть, но я этого ждала и легко увернулась.

– Может быть, мне уйти? – обеспокоенно спросил Ори. – Не хочу мешать...

– Иди, – бросил ему Крис. – И не мешай!

– Пойдём вместе, Ори, – сказала я. – Извини, пожалуйста, за этот цирк, но клоуны у нас внештатные и пахнут не за зарплату. Уволить не получится, а жаль.

– Лера!

Я навела на бывшего камеру своего карманного терминала. Угрозу Крис осознал в полной мере: если видео улетит к Оксане – а оно непременно улетит! – ему не жить. А если я его ещё и всему поселению покажу...

Так что Крис плюнул, подхватил свои коробки и отправился на выход.

– Извини, – сказала я ещё раз стоявшему рядом Ори.

Вот так бывает в жизни. Дичь творят они, а стыдно – тебе. Как я вообще когда-то могла любить Криса? Абсолютно не тот человек, с которым что-то построить можно.

– Почему вы поссорились? – спросил Ори.

– Изменил, – отвечать не хотелось, но Крис сам устроил представление, и потому я обязана была пояснить происходящее хоть как-то. – Ещё летом. Он для меня всё равно, что умер, после такого-то, а о покойниках не говорят. Пошли лучше в администрацию! У нас дел – вагон с тележкой! Если ты, конечно, всё ещё хочешь отправиться на север в ближайшее время.

В Песочном двадцать семь домовладений и потому улиц всего три. Они сходятся на центральной площади. Вокруг площади стоят все так называемые присутственные здания: администрация, школа, суд, полиция, больница и почта. Больница слегка в стороне, а все остальные полукругом, и над администрацией два флага, собственный наш, песочненский – огненный подснежник в круге, и федеральный триколор.

Подснежники у нас вольготно себя чувствуют, цветут всю зиму, кроме разве что периода совсем уже лютых морозов. Когда-то цветок подарил питомник, создающий растения с пирокинетическим довеском в геноме. Он существует и до

сих пор, но больше занимается сейчас декоративными культурами. А тогда, когда планета только начинала входить в ледяной век, задача стояла масштабная: постараться в сжатые сроки перевести биосферу на «горячие» паранормы. В нынешнем климате ничто другое существовать не способно. Учёные прошлого это понимали хорошо.

Ори внимательно выслушал лекцию, потом кивнул на ели, стоявшие вдоль тротуара:

– Но деревья ведь не генерируют огонь так, как это делают огневики!

– Нет, конечно, – ответила я. – Но они отдают тепло. Именно поэтому в поселении всегда теплее, чем в поле. Примерно градусов на десять-двенадцать.

– Ого... – только и сказал Ори, с уважением рассматривая ели, высаженные вдоль тротуара.

– Потрогай ветви, – кивнула я на ближайшее дерево. – Они тёплые.

Ори осторожно отогнул еловую веточку, провёл пальцами по упругой зелёной хвое. Сверху свалилось немного рыхлого снега, прямо ему на капюшон. Много всё-таки выпало за ночь, не успело на еловой макушке растаять до сих пор.

– Правда, тёплые, – с удивлением выговорил Ори. – Даже почти горячие... Как они не загораются от внутреннего огня?

– Никак, – ответила я, – у них внутри нет огня. Ты что же думаешь, будто мы – и деревья тоже! – заполнены до краёв

плазмой?

Ори смутился, из чего я сделала вывод, что он вообще об этом не задумывался. Познания в биологии и генетике у него отсутствовали напрочь. Не его сфера интересов.

– Слушай, – сказала я, – я не биоинженер и в паранормальной физике тоже не понимаю ничего. Просто пиронейронная сеть так работает. Дерево вырабатывает тепло, животные и человек – огонь, – для иллюстрации я сомкнула кулак и вызвала пламя.

Рыжие язычки, бледные в дневном морозном воздухе, побежали по пальцам, по кисти, по запястью. Потом я их сбросила, и они растаяли, не долетев до утрамбованного дорожной техникой снега.

К морозному хвойному запаху добавилась нотка озона, как всегда, когда паранорма входит в активную фазу.

– Но наши умельцы недавно вывели особые цветы. Пошли, покажу, они уже много у кого есть!

Снег скрипел под ногами совсем по тёплому. Минус пятнадцать, всего лишь. Незимняя какая-то у нас сейчас зима. В прошлом году в такое же время морозы стояли сильные.

На углу двух улиц, за живой изгородью, рос небольшой розовый куст. Там всегда были розы, сколько я себя помню, но в последнее время хозяева их перенесли куда-то в другое место, и высадили экспериментальные, из питомника. Они сидели два года, пуская веточки и листья, а в третью зиму начали цвести. Да как!

Багровые бутоны примерно раз в полчаса окутывались на несколько мгновений рыжим пламенем. Цветок пылал ослепительным огнём, не сгорая и не обращаясь в пепел. Потом пламя опадало, и роза превращалась в обычный зимник, каких вокруг полным-полно.

Когда мы подошли, бутоны уже догорали, огонь едва теплился над лепестками. Он угас почти сразу же, но Ори успел восхититься.

– Какое чудо! – воскликнул он. – Раз в полчаса, говоришь? Давай подождём!

– Не замёрзнешь? – спросила я.

– Ты дала мне отличную куртку, – улыбнулся он.

А как бы вам рассказать, какая у городских улыбка... Даже не так. Какая улыбка именно у Ори. В ней столько непосредственной детской радости! И счастья. Взгляд человека, видящего вокруг сплошное волшебство, внезапно сошедшее в мир из детских сказок. Взрослые так уже не умеют.

Мы стояли и ждали, а пока ждали, я, чтобы быстрее прошло время, рассказала, на какую машину рассчитываю – Буран-500, не меньше, – и чтобы Ори стоял на своём и не поддавался на уговоры насчёт машины классом ниже.

– Буранов у нас мало, – объясняла я, – и, хоть зимой вся полевая работа сворачивается, община всё равно может зажать такой вездеход. Будут спрашивать, объясни, что тебе нужна не просто абсолютная проходимость, но и абсолютная управляемость. С «антаресом» такого не добиться, и даже

Буран-200 не подойдёт.

– Я скажу, – кивал Ори. – Но не для них уже вопрос, а для тебя, Лера. Зачем нам такая мощная машина?

– Ну, мы можем нарваться на тепловой оазис, например, – ответила я. – К северо-востоку от нас такие есть. Из-под земли бьют горячие гейзеры, снега, сам понимаешь, нету, зато есть вулкан, обычно один грязевой, но может быть, и несколько, могут быть и лавовые вулканы. Если вспомнишь карту, от Отрадного пятьсот километров как раз на северо-восток, – Горячие Ключи.

– Но нам ведь надо строго на север, – сказал Ори.

– А что находится строго на севере, мы толком и не знаем, – ответила я. – Летом, ты сам сказал, болото и комары, а зимой там тем более нечего делать. Но тепловой оазис может попасться и там. Вероятность ненулевая. Так вот им и скажи, мол, а вдруг тепловой оазис, а у меня машина неправильная.

– Хм, – Ори тронул пальцами подбородок. – А если они спросят, почему я сразу на «буране» из города не приехал?

– Ух, ты, – восхитилась я. – Соображаешь всё-таки, что «пташка» в твоём случае была махровой глупостью! Правду скажи. Что надеялся взять «буран» у нас.

– Я...

– Не надеялся, – понимающе кивнула я. – Просто не подумал. А чем же ты вообще думал, когда в «пташку» прыгал? Явно не мозгом!

Ори промолчал. Возразить ему было нечего, а спорить ра-

ди спора он не любил. Мне стало совестно. Я-то что к нему прицепилась, кусаю без конца? Городской он. Не знает ничего про наши зимы, а с теми, кто в его группе знает, он поспорил.

Мне на помощь внезапно пришла «горячая» роза.

– Ой, смотри, Ори, смотри скорее!

По стеблю побежали колючие искры, перекинулись на бутон, и через мгновение цветы пылали алым огнём. Ори вдруг сунул в пламя палец, тут же отдёргнулся, шипя от боли. Обожгло, и ещё как! Паранормальный огонь злее обычного.

– Снегом, снегом разотри, – зашипела я на него.

Не дожидаясь, сама сгребла с ближайших колючих веток сосновника изрядный ком, облепила им пострадавший палец.

– С ума сошёл? Зачем?!

– Решил проверить, а вдруг голограмма, – смущённо ответил Ори. – Для красоты.

– Проверил?

– Да.

– Ну, будешь знать!

– Буду, – со вздохом кивнул он. – Буду знать, что в «горячие» кусты лучше не падать. Сожгут!

– Пошли, горе моё городское, – вздохнула я. – Сильно обжёгся? К доктору можем пойти по дороге...

Роза снова сбросила пламя. Колкие алые искры таяли в воздухе, не достигая снега, заботливо собранного доброй хо-

зыйкой под стволик растения.

– Нормально, терплю. Не надо доктора...

А теперь смотрите. Мы потеряли на розе добрых полчаса, а потом всё-таки завернули к врачу, потому что мне не понравился ожог. Хотя Ори мужественно его терпел, но нечего со всякими ранами в поле делать! Сначала их необходимо вылечить.

Принимал доктор-сын, услышал от нас, что ожог получен от цветка, долго смеялся, чтобы не сказать, ржал, и озвучил нам один на двоих общий диагноз: придурки.

– Ко мне тут с нормальными травмами приходят, руку там ломают, нос, ребро. Челюсть вывихнут или колено. А вы... палец... в розу засунули! Сказать кому! Лучше бы вы его в дверях прищемили... с раздроблением. Куда интереснее получилось бы.

– Сергей, не балаболъ попусту, – велела я ему (с отцом бы так не получилось, тот дядька суровый, как зыркнет, так сразу внутри всё сжимается в предвкушении какой-нибудь отменно неприятной медицинской процедуры). – Ты здесь затем, чтобы лечить, вот и лечи.

– Голову другой раз в розу воткни, она как раз пролезет, ужмётся – мозгов ведь нет, – ворчливо посоветовал доктор, но палец обработал и дал с собой противоожоговую мазь: – Вечером повязку снять, намазать и так оставить, перевязывать смысла уже не будет. И не совать больше этот палец ни в какие розы!

– А другой палец? – невинно спросил Ори. – Другой совать можно?

– Иди ты в пень, городской зануда, – отмахнулся врач. – Но если тебе мало и всё-таки сдуру сунешь, мазь есть, справишься сам.

В общем, потеряли мы примерно час, если не больше. А что такое час? Утонуть можно успеть. Или сгореть. Или ещё как-нибудь убиться.

Потому что в приёмной у главы поселения, куда нас сразу же пригласили после того, как мы зарегистрировали в холле первого этажа обращение, я увидела Криса. И он так это нехорошо улыбнулся, с такой торжествующей победой во взгляде, что сердце у меня прямо в пятки укатилось.

Какую пакость придумал бывший?

ГЛАВА 4

Особенности жизни в небольших поселениях вроде нашего заключаются в том, что тут не просто каждый знает в о всех и все знают о каждом, здесь буквально весь местный народ, за исключением совсем уж недавно переехавших, погруз по самые уши в родственных и приятельских связях.

Грубо говоря, чихнёшь у себя дома, а доброго здоровья тебе пожелают хором везде, включая выездные летние лагеря по сбору урожая.

Для выживания в суровых условиях лучшего придумать невозможно. Никто не бросит тебя в беде, все помогут, и ты поможешь, даже не задумываясь, любому попавшему в беду. Ори, городского чужака, угодившего в переплёт по собственной глупости, на дороге спас бы любой, просто я проехала первой.

Но обратная сторона медали заключается в том, что вся твоя личная жизнь как под рентгеном, просвечена насквозь, от прадеда, подравшегося когда-то с соседом и заслужившего за это репутацию бешеного, до того, что ты сегодня ешь на завтрак. Всем есть дело до того, почему ты приготовила себе кашу с яблоком и на молоке, а не просто сырные котлеты или кружку имбирного кофе без сахара.

Зоя Петровна, в частности, не просто так глава Песочного,

а ещё и лучшая подруга детства моей мамы, а так же родная тётка по матери Криса Свенсена. То-то он сидит сейчас напротив нас и мерзко улыбается. С другой стороны, Зоя Петровна – двоюродная бабушка по отцу той самой Оксаны, и ей очевидно, что...

Здесь у меня знатно вскипел мозг. Кого она спасать собиралась? Оксану от Криса, потому что такой долдон и вдобавок дальняя родня (риск генетических аномалий у возможного будущего потомства!) красивой девушке ни к чему. Или Криса от Оксаны, потому что не для такой ветреной особы, как двоюродная внучечка, расцвёл красивый мальчик аленький? Или меня от скандальной и безобразной на теть-Зоин взгляд любовной интрижки с городским?

Вот так это и работает. Ты ни о чём серьёзном ещё не думаешь, вообще не думаешь, честно говоря, но тебя уже замуж выдали, придумали имена вашим детям, поженили и их, а теперь подбирают имена внукам. Учитывать этот адок, невозбранно живущий в головах добрых односельчан, необходимо всегда.

Развлечений у нас мало, всё-таки глушь непролазная, а тяжёлая битва за урожай уже позади. Можно, конечно, ещё взять лопату и расчищать снег в качестве трудотерапии досужего времени, но это скучно. А вот сплетни, интриги, страсти на тему «кто с кем когда и как именно шпилится» бьют по популярности все остальные дела и новости как хотят.

Городских же у нас не то, чтобы не любят. Морды им про-

сто так давно уже не бьют, только за дело, если какой-нибудь оказался вдруг сволочью, которую охота вывернуть мехом внутрь. Но сволочизм от места жительства и внешнего вида морды никак не зависит, это настройки личности.

Но я бы не сказала, что городских у нас прямо любят. Нисколько. Терпят! Деваться-то от них некуда. Торговля, спасение угодивших в беду и в целом контакты с городами идут. Но любовные отношения с «ихними» негласно и сообщая осуждаются. Причём с обеих сторон, ведь перекрёстные браки бесплодны.

– Изложите просьбу, госпожа Янарова, – сухо потребовала Зоя Петровна.

Фу-ты ну-ты, официальные речи! Лицо строгое в пафос, губы в ниточку, вся из себя власть, закон и порядок. Тётя Зоя, кого обмануть хотите?

Я рассказала о контракте и о том, что мне нужен Буран-500. Зоя Петровна внимательно меня выслушала, ничем не показывая своего отношения к затее переться на север в зиму. Ори пока молчал, но на Криса косился с отчётливой неприязнью. Не нравился ему мой бывший. Могу понять! Мне он не нравился тоже. Слишком уж гнусенько улыбается, хотя пока молчит в тряпочку. Но ведь не просто же так он набился в приёмную!

– План экспедиции у вас уже есть? – спрашивает Зоя Петровна.

– Через два дня предоставляю, – пообещала я. – Но мне

необходимо знать точно, предоставите вы нам машину или же мне придётся арендовать её в Отрадном.

Тонкий момент. Отрадное с радостью предоставит мне всё, что я захочу, – за мои или Ори энерго. А Песочное потеряет. Всё тащить надо в родной дом, я не спорю, но если дом родной зажмёт мне сейчас «Буран», что ещё мне тогда останется? В «пташке», что ли, на север шлёпать тогда?

И Зоя Петровна прекрасно это понимает, по улыбке видно.

– Машина будет, – говорит она величественно. – Но есть вопросы к составу экспедиции.

– То есть? – не поняла я.

– Путешествие на север в зиму – затея серьёзная и опасная, Валерия.

– У меня есть допуск, – быстро сказала я, не понимая, куда глава поселения клонит.

– Безусловно, вы одна из лучших, Валерия, – покивала Зоя Петровна с важным видом. – Но вам совершенно однозначно необходим напарник...

– Что?! – мы с Ори подскочили вместе. – Какой ещё напарник?!

Зря я попыталась обмануть сама себя: стало чётко ясно, кого именно мне в напарники сосватают. Вот он, сидит и улыбается, гадёныш.

Гнев подпалил меня изнутри и проступил пламенем на щеках, ушах, шее. Я с трудом уняла свой огонь. Какая же

мерзость, рассказать кому. Вначале Крис метнулся к другой женщине, а теперь ему плазма хвост подпалила, хочет типа назад вернуться, так, что ли?

Да фак ему в шоколаде! Ни за что.

– Исключено, – ровным голосом заявила я. – Никаких напарников.

– Никакого разрешения на экспедицию, – сухо ответила Зоя Петровна.

– С чего бы вдруг? – возмутилась я. – Контракт подписан, энерго на счета Песочного уже поступили. Вы не имеете права вмешиваться!

– Я, – ответила она, – не имею права посылать на смерть вас, госпожа Янарова, и вас, господин Роермаррем. Экспедиции подобного рода проводятся не меньше, чем втроём, и...

– И вы это только что придумали, – яростно заявила я. – Нет таких ограничений! С ним, – я ткнула рукой в Криса, – никуда не поеду. Не заставите!

– Лера, не глупи, – негромко сказал Крис, довольно улыбаясь. – На севере опасно. Я мог бы подстраховать... У меня тоже допуск по высшему разряду, как у тебя, знаешь ли. И ты сама должна помнить, мы ведь путешествовали вместе не раз.

– Зоя Петровна, – сказала я сквозь зубы, не оборачиваясь к Крису, – я с ним никуда не поеду. Вообще. Никуда. Никогда. Я уж лучше повешусь!

– Зачем такие крайние меры, Лера? – спросил Крис. – Ты

же меня любишь, будь честна сама с собой. Вешаться из-за любви – дурной тон.

Я ему ни слова не скажу, решила я. Ни слова. Ни одного слова не скажу, потому что напротив меня сидит пустое место. С пустым местом не говорят. Как бы оно ни пыталось задеть или вывести из себя.

– Прошу прощения, – сказал Ори, аккуратно выкладывая руки на стол. – Я как руководитель экспедиции имею право голоса?

– Безусловно, – кивнула ему Зоя Петровна.

– Тогда позволю себе заметить, что психологическая совместимость – главный залог успеха любой экспедиции. В данном конкретном случае я сильно сомневаюсь в её наличии между Валерией и этим молодым человеком.

Крис пробормотал себе под нос негромко, но я услышала: «поганая городская морда».

– Вы слышите, уважаемая Зоя Петровна? – Ори тоже высказывание про городскую морду не понравилось. – Зачем мне вписывать в контракт источник смертельных проблем? Который собирается трепать нервы всю дорогу не только уважаемой Валерии, но и мне тоже.

На это у начальства не нашлось, чем возразить. Свирепый взгляд, отправленный в адрес Криса, выдавал тёткин интерес с головой. Очень уж ей хотелось отправить нас из Песочного вместе. Точно, за Оксанку болеет! Не за меня же ведь!

– Если вы не дадите разрешения на экспедицию, – про-

должил Ори, — то я отзываю контракт и обращусь за помощью в другое поселение. Например, в Отрадное. А Валерию приглашу частным порядком. Ты ведь не откажешься от частного предложения, Валерия?

— Конечно, не откажусь! — заявила я. — Долгов у меня перед общиной нет, значит, я свободна, как ветер.

Зоя Петровне всё это жуть как не нравилось: лицо стало кислым, как лимон в соковыжималке.

— В таком случае, вы же понимаете, господин Роермаррем, что треть суммы к вам обратно не вернётся?

— Понимаю, — кивнул Ори. — А вы понимаете, что в таком случае рейтинг Песочного в наших городах ощутимо снизится?

Зоя Петровна потеряла дар речи, а Ори добавил:

— В такие игры можно играть вдвоём, уважаемая Зоя Петровна. В данном конкретном случае... Мы не уверены, что счёт окажется в вашу пользу.

Всё. Когда городской говорит «мы», это очень серьёзно. Крис не понял, а Зоя Петровна очень даже осознала, под какой монастырь подвело её яростное рвение помочь племяннику настоять на своём.

— Ну-ка, парни, выйдите пока за дверь, — властно распорядилась она. — Мне с Валерией наедине поговорить надобно.

Я села ровнее. «Наедине» означало, что меня сейчас начнут ломать о колено в надежде на то, что лишившись поддержки Ори, я дрогну под давлением неоспоримых аргумен-

тов. Тётя Зоя, на кого вы напали, а? Будет больно.

– Лера, девочка моя дорогая, – она сняла с лица официально-каменное выражение, – пойми, я же за тебя беспокоюсь! Зимой все сидят по домам, а тебя понесло, да не куда-нибудь, а на север, и не с кем-нибудь, а с городским из прибывших!

– Вы зато мост через Нижний овраг постройте, – пожала я плечами. – Мост же нам нужен? Вот!

Она лишь головой покачала.

– Столько энерго за красивые глаза не платят. Их платят за риск. Ты можешь не вернуться с севера, Лера.

Мамины уши торчат, поняла я. Напрямую со мной спорить мама остереглась. Знает, что на любой категорический запрет я выкачу полное неповиновение, да ещё и с диким скандалом. Решила, значит, со мной отношения не портить, но попросила, так сказать, повлиять извне. А у тёти Зои оказались и свои резоны заняться тем же самым. То ли Оксанку спасти, то ли Криса наказать, то ли наоборот. Сам чёрт там с ними не разберётся, родня.

– Я могу и здесь умереть, – сказала я, нехорошо улыбаясь. – Шла-шла, упала, инфаркт, а доктора, оба-двое, на вызове где-нибудь в тьмутаракани. Тётя Зоя, не надо сватать мне Криса! Мы расстались. Точка.

– У вас же была такая любовь...

– Именно что была!

– Молодая ты ещё, Лера, глупая, – Зоя Петровна вдруг

потёрла ладонями лицо, и я увидела, что она выглядит очень уставшей.

Решала какие-то проблемы, надо думать. У главы даже такого небольшого поселения, как наше, дел невпроворот, хоть в лето, хоть в зиму. В довесок ещё собственный племянничек подсуетился мозг вынести.

– Тётя Зоя, – решительно сказала я, – вы мне сейчас что предлагаете? Простить измену?

– Почему бы и не простить? – прямо ответила она. – Тот, кто любит, поймёт и простит...

– Тот, кто любит, – повторила я с отменным сарказмом.

Но сарказм пропустили мимо ушей, потому что задача стояла обратная: не выслушать, а надавить.

– Лера, он всё понял, всё осознал. Он дорожит тобой и не хочет тебя потерять...

– А я?

– Лера, зачем ты всё усложняешь?

– Тётя Зоя, почему же вы не хотите услышать, что осознала я? – сердито предложила я. – Вижу, что не хотите. Но я всё равно скажу. Я тоже всё поняла и осознала, что Крис – не тот мужчина, с которым я хочу строить семейное гнездышко и рожать детей.

– Вот насчёт детей, – Зоя Петровна начала злиться и выдвинула убойный аргумент: – Ты ведь в курсе репродуктивного налога? Права и обязанности гражданина вам в школе преподавали или ты уроки на ровер-гонках прогуливала? От

городского-то у тебя детей не будет!

Она привсталала с места, упёрлась ладонями в стол и как будто увеличилась вдвое визуально. Эффективный приём против нерадивых подрядчиков, пролюбивших все сроки возведения корпуса новой школы для начальных классов. Но меня уничтожить вот так просто не получится.

Я вспомнила Ори, как он задвинул про рейтинг Песочного, и оскалилась в ответ:

— А вы в курсе, что не имеете права давить админресурсом мою личную жизнь до тех пор, пока мне не исполнится тридцать лет? Простите, тётя Зоя, наш разговор ушёл куда-то не туда. Давайте вернёмся к началу. Мне нужен «Буран-500» во исполнение контракта с господином Роермарремом. Вы предоставите машину или нам в Отрадное ехать?

За дверью что-то грохнуло, и мы обе подпрыгнули от неожиданности. Я сразу подумала об Ори, о том, что против сошедшего с нарезки огневика он беспомощен, и что Крис — урод.

Мы с Зоей Петровной выскочили в холл едва ли не одновременно. Чуть не застряли в дверях, но я всё же успела первой, на ходу разматывая на кулаках пламя. Всё, Крис меня достал, никакой ему пощады! У него индекс Гаманина меньше моего, сто сорок пунктов всего против моих двухсот, ух я ему сейчас врежу, гаду позорному!

Какая муха его укусила? И обнимался бы с Оксаной дальше. Сам ведь выбрал, не я вениками гнала!

Мы подросли к кульминации представления: Крис попытался толкнуть Ори в плечо, но городской ловко увернулся, и наш баран едва не потерял равновесие. Рожа у него покраснела: вышел из себя. Ори же держался хладнокровно и давал советы ровным выдержанным голосом:

– Уймись, пожалуйста, юноша. Не хочу вас калечить.

Выглядело комично. Плотный, заросший дурными мускулами, Крис и худой длинный Ори. Как бы со стороны ясно, кто тут главный, но, судя по свороченной с места лавке – она то и издала грохот, на которой мы с тётей Зоей выскочили в холл, – раунд завершился не в пользу Криса.

– Отставь её в покое, придурок городской, – рычал Крис, сжимая кулаки. – Она моя, понял? Моя!

– А у неё вы спросить не забыли? – невозмутимо осведомился Ори. – Валерия – не вещь, а полноценный носитель разума с собственной волей и полными гражданскими правами.

Крис стоял к нам спиной и не видел, что у циркового представления с его участием появились зрители. Иначе легко прочёл бы на наших лицах одинаковое желание убивать и поспешил бы смыться. Нет ничего страшнее взбешённой женщины-огневика, а нас тут было сразу двое. Пусть и пришли мы в ярость по разным причинам – я обозлилась на Криса, а тётя Зоя за Криса, – но объект приложения бешенства у нас оказался общий. А в таком случае совет всего один: беги как можно быстрее и как можно дальше.

– Тебя это не касается!

Кулак дурака окутался рыжим огнём и стремительно пошёл в лицо городскому, а тот внезапно не стал уворачиваться. Я так и не поняла, что Ори сделал, но буквально в следующий же миг локоть Криса с характерным щелчком вывернулся в ну очень неестественное положение.

– Стоять! – мы с Зоей Петровной взвыли одновременно.

Драчунов отбросило в разные стороны – это тётя Зоя постаралась, она из тех немногих, кто умеет генерировать так называемую холодную стену. Холодный барьер, он как огонь, только не обжигает. Просто преодолеть его невозможно, во всяком случае, сразу.

Я кинулась к Ори. Конечно, он обжёгся, и выглядело всё не лучшим образом.

– Мазь давай, – распорядилась я. – Ту, что доктор дал для пострадавшего от розы пальца!

Ори молча смотрел на меня, не соображая. Удивительно, как он терпит боль, не кричит и не ругается, просто глаза стали больше, чем обычно, и соображать начал хуже.

Тётя Зоя между тем выговаривала Крису тихим, но страшным по оттенку голосом. Я не вслушивалась. Долетело только «упустил шанс».

– Никакого шанса не было, – резко заявила я, не оборачиваясь. – А сейчас он аннигилировался. Крис, болван, ты напал с огнём на лишённого паранормы городского. Арест тебе и чистить канализацию, когда руку в больничке поправишь!

– Лера, – начала было Зоя Петровна, но замолчала.

Можно пытаться смягчить наказание для своего, но не до такой же степени! Когда перед твоим же собственным кабинетом произошло безобразие, и зачинщик – твой родной племянник, то чем тут крыть? Абсолютно нечем. Не поймут.

– Растение «хрен деревенский обыкновенный» тебе в одно место, а не должность в экспедиции, – мстительно заявила я Крису. – Пойдём отсюда, Ори. Зоя Петровна, ключ от машины можете передать моей маме.

ГЛАВА 5

Сразу избавиться от Криса нам не удалось, потому что место встречи калечных с доктором изменить или разделить на две независимые части оказалось невозможно. Поехали мы туда каждый сам по себе, чтобы столкнуться лбами в приёмном отделении.

Ещё и врача пришлось ждать, потому что он был занят на операции. Ну, ситуация не критичная, никто не при смерти. Подождали, деваться некуда.

Врач посмотрел на нас как на известную субстанцию в канализационном коллекторе. На меня взглядом «опять ты», на Ори – «мало тебе розы оказалось?», а на Криса – «идиот». Незримые оплеухи прозвучали весомо. Я почувствовала «огонёк» на щеках.

– Ты же сам хотел что-нибудь поинтереснее, Сергей, – попыталась я оправдаться, – Сам говорил, что тебе нужны нормальные травмы вместо дурацких. Вот, ожоги, сложный вывих, пожалуйста.

Крис злобно процедил сквозь зубы что-то ругательное. Я не вслушивалась. Ещё не хватало!

– Придурки, – безнадёжно вздохнул врач.

Крису он вправил вывихнутый локоть, подвесил руку на медицинскую косынку и велел избегать в ближайшие дни

разнообразных нагрузок на травмированную конечность. А вот ожоги Ори ему не понравились.

– Как ты это терпишь, парень?

– Ну... терплю... – ответил тот и вдруг спросил с надеждой и любопытством: – А можно уже не терпеть?

Лицо у него стало белее снега, и на лбу проступила испарина.

– Погодите падать в обморок, – предупредил его врач. – Ответьте ещё на парочку вопросов. Страховка паранормальной медицины есть?

– А что ему, хлыщу городскому, сразу паранормальную? – возмутился Крис. – А мне? У меня такая страховка точно есть!

– У вас, молодой человек, само заживёт, – отрезал врач. – А у вашего приятеля тут жуть на ножках, в паранормальном-то плане. Сейчас капитан придёт, будете с ним объясняться, болван. Вы чем вообще думали, идиота кусок?

– А ему нечем думать, мозг атрофировался за ненужностью, – не удержалась я и с удовольствием отметила, как у Криса скрипят зубы. – Это ведь даже не целый идиот, док, а только его кусок.

– У меня есть такая страховка, – с достоинством возразил Ори.

– Если нет, могу я... – начала было я.

– Есть, Валерия, – твёрдо заявил Ори. – Не надо.

– Тогда прошу, – врач приглашающе кивнул куда-то в

длинный коридор, ведущий в недра больницы.

В процедурную там или операционную или куда с такими ожогами пациентов ведут, чтобы исцелить их силой врачебной паранормы.

Они ушли, а мы с Крисом остались. Я демонстративно перешла в самый дальний от него угол, стала смотреть в другую сторону. Тишина повисла настолько полная и плотная, что её, казалось, можно резать на кусочки ножом, как торт. Торт с самым убойным ядом, какой только существует в природе, мрачно подумалось мне. Моя бы воля, убила бы мерзавца. На месте сожгла бы в хлам!

Как? Как любящий и весёлый парень смог за такое короткое время, ведь и года не прошло, превратиться вот в это вот? Куда что делось. Ну не Оксана же мозг ему подменила! Разве только эффект бумеранга – все дела возвращаются обратно к сотворившему их, – сработал. В который я до сегодняшнего дня, если честно, не очень-то верила.

Пришёл капитан Громов, мужик суровый, не знающий ни пощады, ни жалости. Прощение у него получить иначе, кроме как отработать потом и кровью на общественно-полезной для поселения деятельности, невозможно в принципе. Откуда знаю? Да знаю уж... По подростковой дури своей помню.

Громов утверждал, что труд когда-то сделал из обезьяны человека. И трудовая терапия отлично лечит свернувшие в сторону от закона и порядка юные головы. Да, лечит. Другой раз крепко думаешь прежде, чем творить дичь, как на ней

потом не попасться...

А ещё Громов умел внимать с таким убийственным тщанием, что под его взглядом любое слово звучало глупо. Крис взмок, пока объяснялся. Я молча злорадствовала.

– Домашний арест до выздоровления, – вынес вердикт капитан. – После выздоровления – добро пожаловать в младшие операторы лопаты. Снежная в этом году зима. Ступай.

Крис наградил меня сложным взглядом, но Громову перечесть не посмел. Надо думать! Не тётя Зоя перед ним, а сам Капитан Закон-и-Порядок с пробудителем совести наперевес. Я тихонько перевела дух.

– В чём дело, Валерия? – строго спросил меня капитан.

– Не знаю, – честно призналась я. – Крис как с цепи сорвался. Что его закусало так, я не знаю.

– Ревность, – коротко объяснил Громов.

– Чего?! У него Оксана же есть!

Он лишь пожал плечами.

– Ты должна была дать обет безбрачия до конца своей жизни, Лера. Но с тобой вдруг оказался рядом чужой мужчина, городской к тому же. Вот мозг у дурака и выдал синий экран. Бывает.

– Интересно, что я ему ещё должна! – возмутилась я.

Что-то такое я предполагала, но, оказывается, не я одна разглядеть в слетевшем с нарезки бывшем сумела.

– Исправим, – пообещал Громов. – Что городской? Ты собралась с ним на север, не так ли?

– Да, на север, – сказала я. – Полностью подробности рассказывать не могу, простите. Контракт.

– Подробности понятны, учитывая, что это господин Рермаррем, – сказал Громов, и я поняла, что он, может, и не смотрит Хрень-канал, но справки о не самой последней по значимости персоне оттуда уже навёл, причём не только из медийного пространства. – Я о другом.

Капитан вынул из кармана карту, развернул её. В ста километрах от Песочного по направлению на север разливалось сплошное белое пятно.

– Есть предположение, что вам на пути может встретиться тепловой оазис, возможно, даже не один. В продолжение Зеленогорской гряды. Было бы неплохо оставить там маяки...

Тепловые оазисы – подарок небес. Обычно они являются следствием геологической активности. То есть, проще говоря, там бьют из-под земли горячие гейзеры, а в центре находится какой-нибудь вулкан разной степени высоты и вредности. Такая тут у нас местность. В тепловом оазисе нельзя жить постоянно, в смысле, построить какое-то капитальное поселение и полностью наплевать на холод за его пределами, потому что риск извержения и землетрясений слишком велик. Вулкан в активной фазе – это слишком даже для нас, огневиков, не боящихся жара и пламени. Зато в оазисах можно выращивать любые агрокультуры в открытом грунте. От огурцов до винограда. Вулканический пепел – отличное удобрение.

– Конечно, – согласилась я совместить приятное с полезным. – Обязательно поставим маяки.

К нам вышел врач. Один. И у меня почему-то сразу сердце ухнуло в пятки: всё плохо, Ори при смерти, паника-паника-паника-паника.

– Отлѣживается, – объяснил отсутствие пациента доктор. – Ему бы выспаться, но непогода идѣт. Вечером уже не выпущу никуда, останется здесь на три-четыре дня...

Три-четыре дня меня не устраивало, ведь мы собирались планировать экспедицию.

– А что так долго? – спросила я. – Ожоги оказались сильнее?

– У нас в паранормальной медицине комплексный подход, – объяснил врач. – Там по совокупности... хватило. Потом ещё посмотрю.

– Я сейчас за машиной, – дёрнулась я с места.

Несколько грустно – домой бежать полчаса, не меньше, пока заведусь, пока вернусь... что там с погодой...

– Не надо, – капитан протянул мне на ладони ключи со смешным брелком в виде котѣнка. – Заказывала Буран? Получи. Он вон там стоит, на нём и приехал.

– Вы мне свой отдаѣте?! – поразилась я.

– Нет, из парка взял. Брелок – это подарок. Талисман на долгую дорогу, Лера.

Взгляд у капитана был донельзя невинным, но я отчѣтливо поняла – не возьму брелок, он мне его затолкает не скажу

куда силой. Потому что это не простой брелок. Громов хочет ненавязчиво последить за нашей экспедицией. Я подумала тогда ещё, ну и что. Попадём в беду – помощь придёт, разве плохо? А то, о чём Ори не знает, ему не повредит.

Если далеко на севере находится утонувший во льдах мегаполис прошлого, то он в равной степени принадлежит и городам и поселениям. А если там всего лишь рыбацкий буй... ну, то же самое. С изрядной толикой разочарования, но тут уже, как говорится, кушайте с булочкой. В том и прелесть дальних поисков: никогда не знаешь заранее, каким будет результат. Найдёшь или не найдёшь, может, потеряешь. Пока не отправишься в путь, ведь не узнаешь.

Через полчаса мне выдали на руки полусонного Ори. И я его домчала в лучшем виде на наше подворье: «буран» машина мощная, в управлении намного легче моего «антареса», а уж идёт по улице – просто космос: сидишь в кабине и оттуда сверху на все поплёвываешь.

Ори я отвела к нему в комнату, помогла ему устроиться на постели.

– Голова немного звенит, – пожаловался он. – Сейчас посплю...

– Поспи, потом поговорим, – я укрыла его клетчатым пледом. – Как рука? Сразу залечили?

Он вытащил из-под пледа руку и покрутил её, хвастаясь: – Как будто новая.

На коже и следа не осталось от страшных ожогов. Но я не

обманывала себя. Сергей сейчас глушит кофе со стимуляторами вёдрами: паранормальное воздействие с лечебной целью – это вовсе не сжигать всё, в зоне поражения, в пепел. Там всё серьёзно. Врачей учат с детства, и обучение серьёзное. Говорят, не все выдерживают. Говорят ещё, что некоторые даже умирают.

Ори упал головой на подушку и провалился в сон. Я подоткнула по краям одеяло, чтобы городскому нигде не дуло, хотя в комнате не было сквозняков. А сама в задумчивости спустилась вниз.

Мама хлопотала на кухне. Судя по запаху – что-то ванильно-яблочное, с корицей и «горячим» изюмом.

– Ещё немного, Лера, – слегка суетливо выговорила она, вытирая руки влажной салфеткой с глупыми зайчиками по полотну.

Нечистая совесть, отметила я. Ишь, глазки как бегают!

– Мама, а ты зачем тётю Зою на нас с Ори натравила? – спросила я напрямик.

Мама засуетилась возле плиты:

– Кофе хочешь? Заварю...

– Мама, не уходи от ответа! – решительно потребовала я.
– Что это было и почему?

– Кофе я всё-таки заварю, – всё же сказала мама. – А ты присядь и послушай... Причём не просто выслушай, а услышь. Могу на тебя положиться?

– Зависит от того, что ты мне скажешь, – очень уж мне не

понравилось мамино настроение.

– И всё же.

Мама неторопливо достала турку, начала колдовать. Кофе для нас, огневиков, не просто дурная зависимость, как частенько говорят в городах. Пирокинетическая паранорма требует слишком много энергии. Она сокращает жизнь – мы живём значительно меньше горожан. И ей нужно топливо. Естественные стимуляторы, содержащиеся в зёрнах особых сортов нарочно выведенных для этой цели кофейных деревьях. Городскому такое пить – копать себе могилу на кладбище, сразу же. Нам – делать то же самое, если модифицированный кофе не пить.

Мама поставила горячую чашечку себе на ладонь и прогрела её как следует своим огнём. Завершающий этап... В воздухе разлился горьковато-пряный аромат свежесваренного кофе. Мама добавила имбирь, как я любила...

Я взяла чашечку, на мгновение пламя, моё и мамино, смешалось. Удивительное чувство родства, всегда возникающее в такие моменты, приятным теплом отозвалось в груди. Я люблю маму, мама любит меня, пусть мы иногда и ссоримся до посинения. До того, чтобы подпалить крышу, впрочем, мы ещё не ругались. А вот сейчас, похоже, придётся.

– Спасибо, мам, – сказала я. – У тебя самый лучший кофе на свете.

– Льстишь, бессовестная, – она присела за столик и жестом велела мне сесть тоже.

Я не стала спорить. Не лезть, а просто потому что... Когда кофе заваривают родные руки, это чувствуется сразу. Не объясню, но как будто ласковое летнее солнце смотрит в душу.

– Что у тебя с этим парнем? – спросила мама.

– Ты про Криса? Ничего.

– Я про нашего гостя из города! – повысила голос мама. – Что там у тебя было про заговаривание зубов? Сама-то.

– Мам, он на дороге замерзал, – возмутилась я. – Я подобрала. Не могла же я его там бросить, у него машина сдохла. Всё. А ты что, уже придумала имена нашим внукам?

– Какие имена, Лера? – с досадой отмахнулась мама. – Ты никогда не сможешь родить ему детей.

– Как будто я пытаюсь, – рассердилась я. – Ему нужно на север, он хотел найти проводника. Нашёл, меня. Что вы все тут себе о нас выдумали? Ты, тётя Зоя, Крис...

– Вы поедете на север, – кивнула мама. – Мужчина и женщина. Вдвоём.

Дурдом. Что на это сказать? И ведь не промолчишь же! Сосчитать до десяти в обратном порядке, выдохнуть, посчитать в прямом порядке.

– Ты что сейчас делаешь, мама? – спросила я. – Ты зачем выносишь мне мозг? Даже если что-то случится между нами, это моё и его дело, никак не твоё. Тем более, что случайный ребёнок невозможен в принципе!

Мама подняла бровки домиком. Мол, пояснительную бри-

гаду вызови, не понимаю.

– Я вообще не представляю себе, как целоваться с Ори, – сказала я. – Я об этом даже не думала. Но теперь, после твоих слов, задумалась. Ты хотела уберечь меня от грехопадения с городским. Поздравляю, твой самый страшный сон сбылся! Как только Ори придёт в себя, непременно признаюсь ему в высоких чувствах. Несколько обратный эффект, чем ожидалось после наезда Зои Петровны и мочи в голове у Криса, не находишь?

– Лера, не передёргивай, – сухо сказала мама.

– Тогда и ты не передёргивай! – возмутилась я и передразнила: – «Мужчина и женщина в долгой экспедиции вдвоём в машине». Тьфу! Мы что, в дикие времена, когда женщине положено было знать в жизни всего три места – кухню, койку и детскую?

– Лера... – слабо возразила мама, и умолкла, стала смотреть в сторону.

– Мне не тринадцать лет, – яростно заговорила я. – Я уже давно с персонкодом коллективной ответственности третьей степени, как тебе доподлинно известно. Куда мне ехать, с кем там целоваться, даже от кого рожать детей – моё дело, мама. Знаешь, до чего Зоя Петровна докатилась? Она мне угрожала!

– Ах, не может быть! – воскликнула мама. – Зоя не могла...

– Ещё как могла. Начала печься о репродуктивном нало-

ге в моём исполнении. Мама, так я могу делегировать социальный капитал на ребёнка кому-нибудь другому из желающих! У меня его уже аж на двоих накоплено, хочешь, обоих отдам? Тебе. Или вот хоть Оксане. Только ради всех демонов ледяных пустошей, уясните себе отсюда и до обеда, что Крис –дохлый номер. И если когда-нибудь у меня проснётся совесть, и я решу облагодетельствовать родное поселение своими потомками, отцом у них будет кто угодно, только не Крис.

– Но и не Роермаррем, – вставила мама.

– А это мы с Роермарремем сами решим, – меня взяло зло, и остановиться я уже не могла. – В городах есть репродуктивные центры и биоинженеры при них.

– Лера!

– Не отстанешь от меня, так и будет, – я поставила чашечку на стол, может быть, излишне резко, потому что звук, с каким она впечаталась в столешницу, прозвучал как истерика.

– Я хочу, как лучше, дочь, – с достоинством выговорила мама. – Я боюсь за тебя...

– Я уже большая девочка, мама! – бешено возразила я.

Когда тебе двадцать три года, но мама почему-то видит в тебе малыша в бантиках, коротких штанишках и с куколкой в руках. Бесит!

– Я боюсь, что ты сожжёшь своё сердце, – тихо, упрямо выговорила мама. – Я же видела, как ты смотришь на него.

А он... он городской, Лера. Вы из разных миров.

Вот как так получается? И в мыслях не было же! Если бы мама не начала разговор, мне бы в голову не пришло думать об Ори иначе, кроме как о начальстве с контрактом. А теперь мне некстати вспомнилось, как он сделал мне кофе, пока я ставила его машину в грузовой отсек, и как в глазах его отражалось колдовское северное сияние, и как он сунул палец в «горячую» розу, и как не побоялся окоротить Криса, а ведь знал, на что идёт...

Понять маму? Могу. Я её старший ребёнок, ей за меня страшно. Но что ж мне теперь, в люльку улечься и агукать там? В люльке действительно безопасно! Только скучно.

– Мама, – сказала я, качая головой. – Не волнуйся за меня. Я разберусь.

ГЛАВА 6

Чудо паранормальной медицины очень быстро избавило Ори от последствий ссоры с Крисом. Сергей, доктор-сын, вообще-то учился далеко отсюда, в одном из крупных южных поселений, где готовят медиков. Он мог бы там остаться, мог бы выбрать любое другое место для работы и жизни. Но он вернулся к нам, на север, а почему, не рассказывал. Поболтать он, конечно, не прочь, если время есть. Шуточки свои докторские потравить, чёрный юморок выдать, из-за которого не знаешь, то ли смеяться, то ли браться за кирпич, чтобы огреть по башке как следует. Но тайны, как чужие, так и свои, Сергей держал при себе.

Слухи о нём начали расползаться далеко за пределы Песочного и Отрадного. К нему даже приезжали из города. Сам он в город не рвался вообще, хотя звали. Хватало работы и здесь! Роды, травмы, детские хвори. Заезжие чужаки, словившие ожоги или обморожения...

«Буран»-500 занял почти весь мой личный ангар. Свою машину я перегнала на задний двор, даже совестно стало. Заглушила, накрыла чехлом. Потом, когда мы с Ори уедем, мама вернёт её обратно, а пока – так.

Пока я проверяла навигационную панель «бурана», Ори носил в грузовой отсек свои ящики. Мы достали их из мёрт-

вой «пташки» ещё вчера. Саму «пташку» я отдала маме на потрошение, и та стояла теперь в одном из ремонтных ангаров, ждала очереди. Ремонт не срочный, поэтому к ней пока что ещё не подступались

Груз Ори представлял собою длинные, узкие контейнеры, с настолько подогнанными гранями, что было не очень-то понятно, как и где они открываются. На вопрос, что там, Ори отговорился общим словом «оборудование», на вопрос, «какое именно», – когда найдём потерянный город, узнаешь.

– А если мы найдём рыбацкий буй? – не отставала я.

– Значит, не узнаешь, – флегматично отвечал Ори. – Как у вас говорят? Меньше знаешь, крепче спишь.

– Ну, нет, я теперь ни за что не усну!

– Тогда пожелай мне, чтобы поиск наш закончился удачей.

Я смотрела на него, на его профиль, на руки, на то, как он работает – сосредоточенно и методически, и мамины слова не шли у меня из памяти. Они пробудили во мне нечто такое, чему я не могла подобрать точного определения. Казалось бы, городской и городской, мало ли я городских мужчин видела. Но вот именно этот почему-то был особенным, не таким, как они все. Из-за своей одержимости, почти фанатичной, поиском вмёрзших во льды осколков прежней цивилизации? Из-за бесстрашия, с каким отправился в поле на лёгкой машине? Или же из-за той отчаянной храбрости, которая не позволила ему уклониться от драки с Крисом? Я

терялась.

Крис тяжелее и сильнее, вдобавок – огневик с поехавшей крышей, право слово, Ори серьёзно рисковал. Вряд ли городской совсем уже не отдавал отчёт тому, что делает. Такие блаженные сидят в комнатах с мягкими стенами, под надзором специалистов.

Я вывела на экран настроечную таблицу навигационной панели. Думала. Мама решила, что я влюбилась, когда я сама ещё не понимала, что влюбилась. А я влюбилась?

Я выглянула в окно. Ори как раз отошёл в очередной раз к сложенным ящикам. И тут-то и застала его Оксана. Она к нему подошла и с ним заговорила. Что Оксана, я поняла по меховой шапочке хвостом назад. Её семья как раз занималась демисезонной одеждой премиум класса. Ну того премиума, который, собственно, в зиму носить не будешь, промерзнешь насквозь. Так... на танцах щегольнуть... Или в городе летом красоваться тем, кто без своего огня.

Во мне проснулось нечто страшное. Оксана. Разговаривает. С Ори. Мало ей Криса, козе драной! Она с моим Ори разговаривает!

Я торопливо свернула настроечную таблицу, не оставлять же её доступной всем и каждому! Паранойя во мне заставила ещё и навесить пароль. А ну как та же Оксана проберётся и что-нибудь там сделает, что я не сразу замечу? Оксана, конечно, в машинах разбирается слабо, но именно от дураков и надо беречь такие вещи пуще всего. Дурак за две секунды

способен сотворить то, до чего ни один умный не догадается даже и за год.

На нервах я вылезла из кабины с другой стороны, пришлось обходить. А пока обходила, Оксана успела уже уйти. Только и успел мелькнуть в воротах ангара меховой хвост её шапочки.

– Чего она хотела? – спросила я у Ори, и, боюсь, мой голос назвать доброжелательным не смог бы никто.

– Ты не поверишь, – жизнерадостно отозвался Ори. – Она требовала, чтобы я исключил Криса Свенсена из участников нашей с тобой экспедиции на север!

– Как будто ты его туда включал, – удивилась я.

Ори поднял палец для пущей солидности:

– Вот именно!

– Трепло, – сказала я с досадой. – Крис – трепло. И дурак. С синим экраном вместо мозга.

Ори сложил руки на груди, побарабанил пальцами по предплечьям. Задумался до острой складочки на переносице.

– Я не думаю, что Крис дурак, – сказал он наконец. – Он хочет забрать тебя себе обратно, а если не получится, испортить как можно больше крови. На такие пакости у подобных людей мозги работают хорошо. Как он может нам напако-стить, Валерия?

– Даже не знаю, – сказала я растерянно. – Что-то сделать с машиной? Чтобы мы из поселения вообще не выехали, а

если выехали бы – то далеко не ушли.

– За машиной, конечно, надо проследить... – Ори тронул в задумчивости рукой подбородок, потом сказал: – Ты над маршрутной картой ещё не думала?

– Нет, – призналась я.

– Сделай запасной вариант с заходом в Отрадное. Возможно, там придётся приобрести что-нибудь дополнительно... Я готовлю списки, потом мы вместе их просмотрим.

– Хорошо, – кивнула я. – Сделаю.

Я помогла Ори закончить с погрузкой, лично оптимизировала загрузку, учитывая пожелания в стиле «нет, нет, ни в коем случае не запихивать в глубину! И это тоже не запихивать. И это под хламом не хоронить!» А что вообще можно похоронить под хламом? Оказалось, практически ничего. Не очень удобно получилось, потому что ещё не всё прибыло, что надо. Ладно, всё равно это предварительная сборка. Вытащим, перекомпонуем, посчитаем, запишем, занесём обратно...

Я закрыла машину.

– Пошли в дом. Кофе, ужин – как идея?

– Хорошая идея, – одобрил Ори. – Пойдём через двор?

Из ангара можно было подняться в крытую галерею и пройти в жилые помещения без риска получить в лицо снежный заряд. Через двор в непогоду – идея не самая лучшая, но, с другой стороны, не так уж там сейчас ветрено и холодно, чтобы не попытаться.

– Застегнись, – я сама проверила, насколько хорошо Ори упакован.

Натянула ему капюшон чуть ли не до носа, заставила надеть вязанные перчатки.

– А сама-то... – недовольно фыркнул он.

– А не путай изнеженную городскую жизнь с нашей, – серьёзно посоветовала я ему. – Там минус тридцать сейчас, не меньше. Дыши носом, и клапан лицевой застегни.

– Пара десятков метров...

– Сейчас вообще не выпущу, – пригрозила я. – Если, конечно, всё ещё хочешь ехать на север, а не в больничку с обморожениями и пневмонией. Рот на улице не открывать!

Снаружи стояли синие сумерки. Ветра не было, на тёмном полотне неба высыпали крупные звёзды. Кружились неспешно лёгкие цветные снежные искорки. А в распахнутых воротах и дальше по улице стояли световые столбы. Всё дело в кристалликах льда, они образуются на морозе из атмосферной влаги, и преломляют свет фонарей в высокие столбы. Очень красиво.

Ори стоял бы неподвижно, вбирая зимний вечер, до тех пор, пока не превратился бы в ледяной столб. Я взяла его под руку и провела в дом.

– Какое чудо! – признался он, снимая куртку, я снова помогла ему с застёжками. – Жаль только, что так холодно! А ты была даже без шапки, Валерия!

– Мне можно, – сказала я. – Это ещё не самый страшный

холод. Вот в середине зимы, там – да... Но я надеюсь, мы к тому времени уже назад вернёмся. Ведь вернёмся же, да? Или тебя ещё куда-то потащит?

Ори свёл вместе кончики пальцев, думал. Потом сказал честно:

– Я не знаю, Валерия. Но, предположительно, мы найдём по пути несколько тепловых оазисов. Если поймём, что не успеем вернуться до настоящих холодов, перезимовать можно будет там.

Я присвистнула.

– Ты хоть представляешь себе зимовку в тепловом оазисе, никак не подготовленном к такому делу?

– Я читал отчёты северных экспедиций...

– Читал он! – с досадой высказалась я. – Ори, такая наука, как вулканология, интересовал тебя хотя бы немножечко?

У Ори тут же сделались несчастные глаза. Не то, чтобы вулканология не интересовала его. Но в список жизненно необходимых для срочнейшего изучения предметов явно не входила.

– Короче, – сказала я, – в двух словах. Гейзеры и тёплый воздух – это прекрасно. А вот сопутствующие извержению вулкана спецэффекты вроде пепла на голову и потоков лавы – это уже грустно. Ну и в сернистых озёрах обычно живут абсолютно несъедобные рыбы-мутанты.

Ори лишь вздохнул покаянно. А он совсем сложил лапки, как я посмотрю, и всю ответственность спихнул на меня. В

самом деле, зачем шевелиться, если есть Лера, которая всё за него сделает, соберёт, проложит маршрут, сварит кофе и поцелует в макушечку. Угораздило же встретить его на обочине вечерней дороги!

– Пошли, горе моё городское, на кухню, – предложила я. – А то лично у меня критически понизился уровень кофе в крови. Без кофе обсуждать зимовку в тепловом оазисе я не могу.

– Пойдём, – согласился Ори. –

В кухне тепло, и пахнет ванилью. Мама куда-то ушла, оставила после себя большое блюдо под белой салфеткой и записку с наставлениями, где ужин. В духовке. И чтоб всё съели! А то одна талию блюдёт, а на второго без слёз смотреть невозможно, одежда висит как на вешалке.

Мы всё съели, а потом долго рассматривали карту, где за Зеленогорской грядой тянулись известные нам тепловые оазисы, порождения действующих вулканов. Что за ними – никто не знал, потому что в ту сторону никто не добирался. А если кто и дошёл, то ресурса вернуться обратно ему не хватило. Как далеко на север тянется вулканическая горная цепь тоже оставалось тайной, хотя предположения и догадки были. Что ж, уточнять рельеф по месту будем мы.

За картографирование опасных и неисследованных территорий полагается награда. Со всех сторон контракт с Ори выгодный, куда ни посмотри.

– Очень не хотел заезжать перед началом экспедиции в

Отрадное, – искренне сказал Ори, постукивая по столешнице пальцами. – Сутки потеряем на загрузке, трое – на выход на маршрут...

– Но если там, во льдах, нас ждёт твой город, – язвить насчёт рыбацкого буя мне уже не хотелось, – то он несколько столетий ждал, по твоим же собственным словам. Подождёт и ещё немного...

– Да. Наверное...

– А пойдём, я тебе кое-что покажу! – сказала я.

– Что?

– Увидишь!

Я провела Ори наверх, в мансарду, которую когда-то давно прозвали не пойми за что «астрономической». Никакой астрономии в ней не было и близко, зато было огромное, во всю стену, окно, смотревшее в сторону поселения.

Наше домовладение находилось на холме и на въезде, так что из окна открывался великолепный вид на ярко освещённую улицу и дома соседей.

Световые столбы над фонарями исчезли, пока мы пили кофе. Прибежали тучи, съели все звёзды, и пошёл снег.

Не метель, когда сыплет мелким ледяным стеклом и своих же собственных ворот не видно. А просто снег, даже без ветра. Мелкий, но не густой. Снежинки падали из рыжего неба, кружились, летели...

Как хорошо смотреть на зиму сквозь толстое стекло!

Ори взял меня за руку.

– Какая красота, – выдохнул он, не отрывая взгляда от окна. – Валерия, спасибо! Раньше я как-то не замечал, в каком красивом мире я живу. Я понял только сейчас... только здесь...

Какая горячая у него ладонь...

Снег за окном пошёл гуще, крупными хлопьями. По полу, куда падал свет от окна, замельтешили круглые тени. Пятнами – по рукам, по плечам, по лицу... И самый бы момент сейчас поцеловаться! Но я промедлила. А Ори вдруг смутился.

– Прости, – виновато сказал он, отпуская меня. – Я не должен был за тебя хвататься...

– Ничего страшного, – ответила я, досадуя за собственную неуклюжесть.

– Страшного – ничего? – уточнил он на всякий случай.

Но не стал развивать мысль дальше. Спрятал руки за спину. От греха, как я понимаю. Мне стало смешно. Как мальчишка, ей-богу. Так и подмывало спросить напрямик: «Ори, а я тебе нравлюсь?» Но я не спросила.

Пусть он это сам скажет! Вдруг мне показалось. А на самом деле, я ему, может, и нравлюсь, но как наёмный работник по его контракту на северную экспедицию. И только.

После того, как я поймала Криса на Оксанае, у меня никого

не было. Парни поначалу пытались цеплять, как у них это обычно водится. Отшивала резко, кое с кем даже пришлось подраться на интерес. На что они в драке рассчитывали, я не знаю, но озвученный мною интерес не приближаться ко мне ближе, чем на сто метров, им пришлось выполнять. Скрипя зубами, но выполнять. Проигравший плачет.

Обида не отпускала меня, я в каждом постороннем мужчине видела Криса или кого-то очень похожего, даже если они ни в чём не были виноваты. Я не собиралась второй раз вспрыгивать на те же грабли.

А вот Ори внезапно меня зацепил. Да, лишь после слов мамы, буду честной. Неизвестно, когда я сумела бы признаться себе, что зацепил, если вообще сумела бы. Вот будет беда, если я ему не очень.

Нет, топиться в вине больше не буду. Не понравилось. И голова потом болит. Да и что за беда, если парень не хочет? Вот если хотел, а потом перехотел или изменил, тут да, больно, а если изначально нет ничего... Тьфу. О чём я думаю!

Снег валил несколько суток не переставая, поднялся ветер. Мы с Ори закончили погрузку и обслуживание машины. В грузовом отсеке я заранее постаралась оставить удобное место для последнего груза из Отрадного.

Крис глаза мне не мозолил, и я о нём благополучно за-

была. Рохля я, не могу зло долго помнить. Вообще считаю, что злые мысли притягивают злые события. Многие у нас, впрочем, считают так же, здесь я не оригинальна. Ну, правда, полно же дел интереснее!

Мы с Ори прокладывали маршрут. Расстелили на большой кухонном столе карту и над нею корпели. Ори понадобился не один, а целых четыре маршрута, три из них так или иначе подразумевали заход в Отрадное. Интересовала цепь тепловых оазисов в Зеленогорье. Ори предполагал, что вулканы есть и дальше на север, и неплохо бы держаться рядом с ними. Не замерзнём!

– Зато поджаримся, – возражала я.

– Ты огневик, Валерия, – Ори ставил бровки домиком, как всегда, когда ему приходилось сообщать прописные, с его точки зрения, истины.

– От извержения никакая паранорма не спасёт, – отвечала я. – Ты что, думаешь, раз я могу генерировать огонь, то и в расплавленной магме искупаться смогу?

Судя по его взгляду, именно об этом он и думал. Ну, городской, где же ему ума взять!

– Нет, – категорично отвечала я. – Никаких цирковых номеров в извергающихся жерлах. Давай на Зеленогорье всё же не рассчитывать. Раздели задачи: ты город ищешь или вулканы исследовать лезешь? Что-то одно.

– Эх, – абсолютно серьёзно сказал Ори.

На вулканы ему посмотреть очень хотелось.

– В другой раз, – непреклонно ответила я.

– На обратном пути! – выдал он, улыбаясь с таким детским счастьем в глазах, что я почувствовала себя взрослой старой сволочью, отбирающей у ребёнка погремушку.

– Как ты представляешь себе обратный путь? – спросила я. – Только, пожалуйста, без несбыточных мечтаний!

– А что несбыточного в том, чтобы вернуться в Отрадное через Зеленогорье?

– Что такого несбыточного? – возмутилась я. – Да всё!

– Поясни.

– При планировании подобных экспедиций надеются на лучшее, но исходят из худшего, – озвучила я истину, вколотенную в нас ещё в школе инструкторами по выживанию в экстремальных условиях.

Как сейчас помню, вывезут в поле и на практике показывают, что такое ледяной век на отдельно взятой планете и конкретно на нашей территории. Ведь дальше нас на север больше ни одного поселения нет. Мы живём, не побоюсь пафоса, на самом краю обитаемого мира.

«Так это у вас, дурни, мощнейшая подстраховка, – всплыл в памяти знакомый голос учителя. – У вас, цыплята желторотенькие, всего лишь тренировочный выезд. Вон за теми холмами дежурят спасатели, у каждого из вас работающие рации. Но когда вы отправитесь в самостоятельное плавание, то ответственность за ваш выбор будет лежать только на вас. Ответственность за жизни тех, кто вам доверится. И двойку

на экзамене вам тогда поставит вместо доброго учителя сама жизнь».

И он оказался прав. Как, впрочем, всегда. Старшие, взрослые, воспитывают подрастающую молодёжь не просто так, а исходя из своего богатого опыта. Поэтому их нотациям внимать надо со всем тщанием. По-любому, что-то полезное да проскользнёт.

А теперь я сама внезапно оказалась в роли зануды-инструктора. Я же раньше всё больше с нашими, с огневиками, ходила в экспедиции. Вулканологов водила по тепловым оазисам, геологоразведку – по всяким остальным местам, нанималась на сезон в спасатели – там хватало бед с розыском пропавших. Не всех находили живыми. Некоторых не находили вообще. Бывало, и старые кости попадались, те, что не собрали их владельцы лет сто тому назад.

Но все, с кем я работала, были не городские. Свои. Знали, что почём, излишним самомнением не страдали, как впрочем и невежеством. У нас так. Науку выживания постигаешь рано. Кто не смог, того уже нет.

– Смотри, Ори, – сказала я, отвлекаясь от грустных мыслей. – Допустим, мы благополучно достигнем маяка, который восприняли твои приборы тогда на дороге. Прекрасно, если это окажется город, в котором можно раздобыть топливо или остаться без проблем на зиму. А если нет?

ГЛАВА 7

– Ах, не может быть...

– Ты дослушай! – рассердилась я. – Нанял меня, опытного человека, так слушай. Если мы достигнем маяка, это будет примерно здесь, – я поставила отметку на карте. – А возвращаться нам надо будет обратно либо по своему же пути, либо, как ты хочешь, в сторону Зеленогорья. Там, конечно, есть освоенные тепловые оазисы, но вот этот участок, от искомой точки до начала цивилизации сплошное белое пятно. Что там, Ори, ты знаешь? Там горы? Незамерзающие реки? Пропasti в вечном льду до самой поверхности планеты? Су-немся мы сюда вот так, здесь застопоримся, а назад вернуться надо будет – так и так. Крюк большой, видишь?

Ори поджал губы. Всё он видел, и ему очень не нравилось то, что он видел.

– Мы не можем взять с собой цистерну с топливом, Ори, – мягко сказала я. – Нам надо исходить из наших возможностей. На севере без топлива, сам понимаешь, весёлого мало. Так что или твой маяк или вояж вдоль Зелёных гор на предмет розыска и картографирования новых тепловых оазисов в том направлении.

Ори побарабанил пальцами по столу. Думал. Провёл рукой по лицу, тронул подбородок пальцами, собрал острую

складку на переносице. Внутри явно шла серьёзная борьба между жадностью к приключениям и целесообразностью.

— Как жаль, что за последние несколько веков мы столько утратили, — сказал Ори наконец. — Так всегда бывает, когда популяция оказывается на грани выживания. Не до исследований, не до поддержания технологий на должном уровне — лишь бы уцелеть. Но со всей уверенностью могу сказать одно: бутылочное горлышко пройдено. Начинается эпоха научно-технического прогресса. Она уже началась, Валерия! Мы вернём себе былое величие, снова выйдем в космос. А эти города, которые мы так упорно ищем вот уже не первый год, они же кладезь утраченных знаний! С ними прогресс пойдёт быстрее, и намного. Пусть не мы, но наши дети, может, внуки, увидят уже совсем другой мир. Я бы хотел, Валерия, очень бы хотел, чтобы это случилось ещё при моей жизни!

Он смотрел мимо меня, куда-то вдаль, в то будущее, в которое так отчаянно верил, и в глазах горел фанатичный огонёк учёного, готового на любой риск во имя исполнения своей мечты.

— Хочешь, кофе сварю? — спросила я. — Себе буду, и тебе принесу.

— Хочу, — улыбнулся Ори. — Спасибо, Валерия.

Я спустилась на кухню, взялась за баночку с кофе. Мама хмыкнула при моём появлении. Она уже сидела с чашечкой горячего, перед нею лежали сахарные колечки. Подвинула тарелку ко мне:

– Забирай целиком. Угостишь своего приятеля.

– Когда испечь успела? – спросила я.

– В пекарне у Михайловых взяла.

У нас каждый делает свой вклад в общую жизнь. Мы – чиним всё, что движется. Михайловы – отличные пекари. Они давно уже думают о расширении: хотят открыть пекарню в Отрадном и в городе. Летом, может быть, и откроются. Семья большая и дружная, почему бы и нет.

– Что, – сказала мама, – твой друг так и будет звать тебя как под протокол – Валерией?

Я от неожиданности даже кофе просыпала. Рука дёрнулась, вот ложечка и наклонилась.

– А подслушивать нехорошо, мама!

– Да что вас подслушивать, – отмахнулась она, – если вы галдите на весь дом. Не увиливай от вопроса. Важно.

– Абсолютно неважно, – сердито заявила я. – Мама! Я же просила тебя не лезть в мою жизнь. Просила или нет?

– Вот будет у тебя дочка, – ворчливо сказала мама, – тогда ты меня поймёшь.

– Ни за что! – убеждённо ответила я. – Я буду доверять своему ребёнку.

– Вопрос не в доверии, – возразила мама. – Я всего лишь хочу, чтобы ты была счастлива...

– С Крисом, – ввернула я ехидно.

– Лера! Ещё не хватало!

– Вот как? То есть, если я вдруг захочу простить Криса и

вернуться к нему, ты не одобришь тоже?

– Ты этого не сделаешь, Лера.

– Хм-м-м... Назло тебе?

– Спать с мужчиной назло кому бы то ни было, хоть даже себе самой, – днище, дочь, – заверила меня мама. – Конечно, я буду против!

Я присела за столик, взяла сахарное колечко.

– А как было у тебя с папой?

Даже удивилась сама себе, почему не задала такой вопрос раньше. Папа погиб, когда я была совсем ещё крохой, Артур родился полгода спустя после его похорон. С тех пор мама так замуж и не вышла. Были ли у неё мужчины? Да были, конечно же. Позже. Но в дом она не приводила никого. Собственно, поэтому детей у неё всего двое, я и Артур. Община смотрела косо, для исполнения репродуктивного налога необходим был ещё третий ребёнок. Но мама отдала соцкапитал на третьего своей младшей сестре. Та охотно родила одиннадцатого.

Так тоже можно, хотя негласно не одобряется. Но главное ведь, чтобы рождалось не меньше определённого количества детей, не так ли? Если в одной семье десять, а в другой трое, то всё же хорошо? Не всем дано растить детей. Кому-то надо делать другую, не менее важную, работу. Впрочем, мне до тридцатилетия как до Луны пешком, поэтому нечего говорить. Зоя Петровна повела себя максимально по-свински, пытаясь всучить мне Криса, перевязанного подарочной лен-

точкой, под соусом исполнения репродуктивного налога.

— Мы были молоды, — ответила мама, задумчиво подпирая щеку рукой. — Учились вместе, работали вместе, ничего не предвещало. А потом в какой-то момент просто посмотрели в глаза друг другу, — она покачала головой, вспоминая. — Да, Лера. Прости меня, пожалуйста. Не надо мне давить на тебя. Всё равно ведь поступишь по-своему. Как я когда-то...

— Это ты меня прости, — я погладила маму по руке. — Не надо было мне спрашивать...

Разбредила ей рану, дура. Могла бы не спрашивать.

— Папа твой с нами, пока мы живём и помним, — мягко сказала мама. — Говорить о нём нужно, конечно же. Всё хорошо. Спрашивай, когда тебе захочется спросить.

У меня отличная мама на самом деле. Лучшая из всех!

Я собрала на поднос кофе, тарелку с колечками и пошла к Ори.

Он корпел над картой. Двигал по ней линейку, что-то, хмурясь, подсчитывал. Кофе обрадовался как ребёнок сладкой булочке. Колечки ему тоже понравились.

Однажды посмотрели друг другу в глаза, сказала мама. И этого хватило на десять лет и двоих детей. Память размыла его лицо, скрыла голос, но можно ведь взять семейный альбом, посмотреть хроники. Папа любил нас. Никогда бы он не поступил с мамой так, как со мной поступил Крис...

Нет, я бы не сказала, что мы с Ори посмотрели друг другу в глаза. Квот уж чего ещё не было. Но мы поедем вместе на

север, в бескрайние ледяные пустоши. Вместе поедem. Вдвоём.

Я вздохнула, отодвигая в сторону начавшие путаться мысли.

— Ори, — сказала я. — Давай ещё раз проверим списки. Всё ли взяли, ничего не забыли... Может быть, добавим что к тому, что нам надо ещё докупить в Отрадном.

— Давай, — легко согласился он, вытаскивая из кармана планшет с бумагами.

Пока мы сверяли таблицы, вносили мелкие добавления и пожелания, я украдкой посматривала на Ори, тщательно стараясь, чтобы он не заметил. Он не замечал. Ну, и что в этом городском есть такого, чего нет у наших парней?..

Чёрные волосы. Синие глаза. Профиль... интересный. Красавцем не назовёшь, тому же Крису проигрывает сильно. Не доходяга, нет, и драться умеет, просто худощавый и высокий. Чисто внешне, в общем, ничего особенного.

Но всё меняется, когда начинаешь с ним говорить. Ори — весь здесь и сейчас, он притягивает внимание даже когда молчит. Всё дело в масштабе личности, я думаю. Крису не снилось. Даже удивительно, как это я ещё летом любила Криса...

Мы разработали и одобрили к исполнению три маршрута. Один напрямую от нас сразу на север, к нему у меня больше всего лежала душа. Два других — с заходом в Отрадное, самый непутёвый — с крюком в тепловой оазис Светланово.

Ори хотелось всё-таки посмотреть на гейзеры и приобрести
особого сорта кофе, который больше нигде не найти, только
в Светланово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.